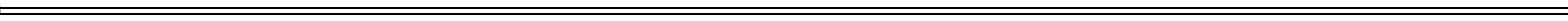

- [Оффут Эндрю](#)

○

Оффут Эндрю

Глаз Эрлика

Эндрю Оффут

Глаз Эрлика

Глава 1

ЗЛОУМЫШЛЕННИКИ

Воры Востока по ночам пировали в одном местечке, которое называли Болотом... В Аренджуна, после Шадизара крупнейшем городе Заморы, пламя почти везде изысканно мерцало над красивыми светильниками, заправленными душистым маслом.

В городе воров народ везде говорил тихо, а менее грязные переулки были ненамного безопаснее. Пляшущий золотистый свет изящных масляных светильников заставлял вспыхивать огнем самоцветы, мерцающие на пальцах равнодушных вельмож с высокомерно задранными подбородками. Он же мягко поблескивал на жемчугах, нашитых на туниках купцов, стремящихся проникнуть в ряды знати. В огнях светильников искрились зеленым изумруды на толстой шее жены какого-нибудь аристократа и кроваво-красным поблескивали рубины и гранаты на наряде ее усмехающейся дочери. Движения откормленных тел сопровождались шорохом дорогого шелка.

А в подвалах с замасленными балками наводненного ворами Болота собирались плуты.

Здесь были чем-то похожие на хорьков умельцы срезать чужие кошельки, похитители в плащах с капюшонами, надвинутыми на самые глаза, и всегда настороженные воры-карманники. Заносчивые наемные убийцы прогуливались с важным видом по улочкам вместе со шлюхами. У последних самыми лучшими украшениями служили агаты с голубыми прожилками или плохо ограненные кусочки розового кварца со сверкающими осколками слюды и стекла. Одна грудастая немедийка, находившаяся в обществе лысеющего наемника из Кофа на данный момент безработного, - носила сверкающий кусок авантюрина, закрывавшего ей палец от костяшки до среднего сочленения. Камни эти происходили, предположительно, из Атлантиды.

***

Из темной мрачной пасти переулка донесся чей-то стон. На него никто не обратил внимания, или так во всяком случае казалось. Днем было бы видно, кто стонет - умирающий или грабитель, устроивший западню доверчивому рыцарю.

Сегодня ночью один обитатель этого темного скопища грязных переулков и ветшающих, выщербленных стен куда-то пропал, и о нем спрашивали не в одной норе, служившей логовом боякам. Сегодня ночью он шиковал в городе, так как три последних его предприятия увенчались успехом.

Серьги из рубинов и лунного камня, стянутые через открытое окно с табурета спящей хозяйки... Продав их, он приобрел хороший кинжал в полтора фута длиной, с ножнами, украшенными гранатами, и оплатил свои долги, два раза нырнув в выгребную яму, именуемую Болотом. Пока супруга советника лежала не далее чем в десяти шагах в алькове с молодым любовником, ее изящный, обшитый жемчугом воротник вместе с кубком из чистого золота (с легкой примесью олова, как указал барыга) увлекла в окно бронзовая рука, бывшая куда как крупнее рук большинства взломщиков. Эти предметы принесли ловкому,

ступающему по-кошачьи бесшумно вору хороший плащ, украшенный золотым шитьем. Хотя довольно скучно украшенный - что верно, то верно. И еще на эти деньги он купил шелковую тунику, голубизна которой отражала довольно мрачный блеск его глаз, и ему заново открыли кредит в кабаке, где подавали пиво и разбавленное мутное вино. Ворот и плотно обтягивающие могучие бицепсы рукава вора обивали две узкие полосы расшитой золотом ткани.

Странно, но его третье успешное предприятие оказалось поручением, выполнив которое, он совершил доброе дело. За похищение пары неосторожно подаренных изумрудных запонок и одного неосмотрительного письма и возвращение их дарителю он получил не меньше трех золотых и семнадцати сребренников. Надо признать, странное число. Ему предложили два плюс десять, он потребовал пять плюс двадцать пять и сошелся с нанимателем на средней сумме. Это последнее предприятие принесло достаточно денег, чтобы заставить юнца подумать, а не заняться ли ему честным трудом. Их также хватило, чтобы провести ночь вне Болота. В хорошем плаще и шелковой тунике он неспешно прогуливался по престижному району города...

Теперь этот плащ был старательно свернут и уложен на табурет, на котором восседал вор. Перед ним стоял маленький столик. Чувствуя себя немного не в своей тарелке, он тем не менее решил провести ночь среди богатых и знатных - ведь и они не всегда были такими. Вор приметил одну привлекательную молодую женщину и ухаживал за ней, проявляя больше отваги, чем опыта. Она и впрямь была молода, в девятнадцать лет, - и все же постарше вора, несмотря на массивность его фигуры. Меч юноши вызвал у девушки вопросы.

- Телохранитель, - ответил он. - Мой господин скоро прибудет.

И никто не запретил ему носить меч, даже здесь, в "Шадиз-сарае", куда захаживали только способные похвастаться знатным происхождением или знатным состоянием.

- Там, в Симрии, мужчины вырастают, безусловно, здоровые, - оценивающе заметила привлекательная молодая женщина.

- В Киммерии, - поправил он.

Вор наклонился к смазливому лицу своей собеседницы. Он сидел, навалившись на низкий круглый столик, окруженный непризнанной знатью. Когда вор кивнул, его голубые глаза сверкнули, словно сапфиры.

- Когда мне было всего пятнадцать... Давным-давно. - поспешил уточнить он, - я был шести футов ростом и весил на двадцать фунтов меньше двухсот. Тогда я участвовал в походе орды обезумевших от крови северян. Наша орда захлестнула надменный аванпост Аквилонии Венариум. Мы поставили на место этих аквилонцев - огнем и мечом!

"Ах, значит, давным-давно, - подумала она. - А если тебе уже стукнуло восемнадцать, то мне восемьдесят!"

Эта девушка знала мужчин и равнодушно взирала на вора с высоты этого своего знания, хотя ей было только девятнадцать лет. Женщиной она стала уже в четырнадцать, а когда ей исполнилось шестнадцать, толстый купец восьмидесяти четырех лет забрал ее с улицы. С тех пор ее крашеные медные волосы чуть выщели, а позолоченный медный лиф чуточку съехал вниз. Но, по крайней мере, ее нынешний любовник был молодым, перспективным и еще не утратил своих мужских достоинств. Очень жаль, что скоро он сам сюда заявится. Юный великан, восседавший перед ней, - горец с прямоугольно подстриженной черной гривой над широким лбом и горящими глазами, похожими на свисающие с ее ушей агаты с голубыми прожилками, - он-то был и того моложе, и выглядел так мужественно.

"Плечи-то величиной с мои бедра, только бугрятся мускулами!"

Но, тем не менее, он мальчишка, причем неопытный, не знающий города, и лжец. Наверняка вор, подумала знающая улицы женщина. Ибо как же еще в городе воров иностранец с таким акцентом мог приобрести серебро, которым он расплачивался с хозяином трактира?

Ну... пока не пришел ее Кагул, этот юнец с Севера купил ей хорошее вино. К тому же вид у него был очень мужественный... Хотя такие вещи остались в прошлом и были теперь ниже ее достоинства... Килия никак не могла придумать, как бы разлучить этого паренька с его монетами... В душе ее шла тяжелая борьба.

- Пятнадцать! Ах, Конан! Я никогда не уверена, серьезно ты говоришь или просто пытаешься вскружить бедной девушки голову своими страшными сказками!

Вор моргнул, и палачи в застенке у пьяницы царя могли бы утонуть в голубой невинности его глаз.

- Я не вру, Килия.

Юность их проходила одинаково.

- Да? - Девушка пристально посмотрела на юношу округлившимися поблескивающими карими глазами, доставшимися ей в наследство от предков-атлантов, смешавшихся с покоренными ими народами. - Никогда?

- Почти никогда, - ответил он, и они дружно рассмеялись. Конан придвигнул табурет поближе к ней. А под столом его рука гуляла по ее бедру во всех направлениях.

Килия сглотнула.

- А чем же ты все-таки занимаешься, Конан, рослый ты горец? О, как, по-твоему, нельзя ли нам еще капельку? Мою чашу кто-то осушил до дна! - И она показала ему пустой кубок.

Не сводя с девушки глаз, вор махнул рукой. Он видел, как такой знак делал один богатый торговец, там, в центре помещения, где он сидел с каким-то скользким на вид типом и тремя женщинами, одна из которых выглядела такой страшной, что должна была быть женой этого купца.

- Еще вина сюда, и не того дешевого газанского виноградного сока! громко произнес киммериец, не отрывая взгляда от спутницы. И, понизив голос, сказал девушке: - Я... телохранитель у одного богатого господина. Как видишь, он очень щедр.

- О да. Но... ты хочешь сказать, что ты действительно умеешь пользоваться этим древним мечом?

- Эфесом. - Он согнул левый локоть, потрепав меч, висевший на том же бедре, клинок длиной в ярд в ножнах из потертой узловатой кожи. - Да, уведомил он ее. - Я умею им пользоваться, Килия. Умею. Его клинок не раз был окрашен почти в такой же цвет, как и эти гранаты у тебя между грудей.

- Рубины, - поправила она.

Он лишь улыбнулся. Знающей улыбкой, так как камешки-то были гранатами, и она знала, что юноша это знал. Как же, телохранитель! Этот огромный юнец с загорелым лицом наверняка был вором. Ее бедро вспотело под его ладонью, и она ничего не имела против.

- Конан...

- Да.

Килия все еще пыталась принять хоть какое-то решение.

- Сюда каждый вечер заходят воины из городской стражи. Я думаю, нам не следует быть здесь, когда они зайдут, - а?

Лицо юноши превратилось в маску детской невинности, и одновременно он махнул огромной бронзовой рукой.

- Почему бы и не быть? Разве мы не солидные граждане честного Аренджуна?

- Одни из нас не из таких, - отозвалась Килия.

Конан, казалось, удивился ее словам и наклонился вперед.

- Килия! Какая мрачная страшная тайна? Ведь это не ты в ответе за падение той большой старой Слоновьей Башни?

- Я думаю, моя тайна состоит в том, что я пью вино и меня гладит по бедру голубоглазый, широкоплечий, опоясанный мечом симрийский... вор.

- Киммерийский, - спокойно поправил он. А затем добавил: - Я? Вор? Здесь? Хо-хо, дорогая моя... Воры прячутся в Болоте и шныряют там, как шакалы.

- Мне думается, - начала она, - что некоторые из них...

- Килия! Что моя девушки делает, сидя с этим мальчишкой? Эй, ублюдок, где твоя другая рука?

Не убирая из-под низкого столика руки, Конан оглянулся через плечо. В таверне наступила тишина. Даже в этом районе Аренджуна все в трактире умолкали, когда в зал входили пять воинов городской стражи и их предводитель грубо обращался к кому-нибудь из посетителей. А этот юный меченосец выглядел достаточно рослым, чтобы бороться с гиперборейскими медведями.

Киммериец хранил молчание. Он лишь сверлил взглядом мужчину в кирасе и шлеме с поднимающейся над ножнами меча щегольской рукоятью в виде драконьей головы. Черные усы стражника надменно топорщились под длинным носом. Конан сознавал, где находится. Он был не в Болоте, а в "Шадиз-сарае". И еще... он находился в обществе искушенной дамы, лишь притворявшейся невинной овечкой. Конан не собирался бежать. Он сидел не двигаясь, выжидая, сверля взглядом воина, шедшего к нему через зал. Все разговоры прекратились; все взгляды следили за продвижением заморийского сержанта среди табуретов и столиков или же были прикованы к рослому юноше, к которому он приближался.

Килия отодвинула ногу; рука Конана безошибочно последовала за ней. Богом юного вора был Кром, а всякий, кто знал хотя бы одного киммерийца, знал, что Кром наверняка являлся и богом упрямства.

Высокий, поджарый, гибкий стражник с отметиной от меча на щеке остановился, высясь над вором в голубой тунике с расшитой золотом каймой.

- Я в отличие от тебя не ору через весь зал, - спокойно отозвался Конан. - Так уж меня воспитали... Я не мальчишка, и всем нам отлично известно, где моя рука. Я бы пригласил тебя выпить с нами кубок, но мы как раз собирались уходить.

- Ты уйдешь один вместе со своим варварским акцентом, и по-быстрому! И если не хочешь уйти без обеих рук, держи их на виду.

Поскольку киммериец не был воспитан лицемерной цивилизацией, он не потрудился изобразить испуг. Его глаза внезапно потеряли всякое сходство с сапфирами или с красивыми голубыми агатами. Они запылали, словно невозможная смесь льда и вулканического жара.

- Я не нарушаю никаких законов. Тебя нанимали не для того, чтоб ты задирал честных граждан.

- Я уже сменился с дежурства, парень. И сейчас я - рассерженный мужчина, стоящий перед мальчишкой, положившим лапу на ногу моей женщины.

Богатые и знатные посетители сидели совершенно неподвижно и не сводили глаз с рассерженных мужчин. Такому столкновению было совсем не место в этом трактире. Коринфийский торговец шелком и бархатом в расшитом цветочным узором халате оглянулся, словно прикидывал расстояние до дверей. Но в дверях стояли четверо стражников, следивших за своим сержантом.

- Конан...

Услышав голос Килии, Конан снова повернулся лицом к ней и предложил:

- Скажи этому грубияну, что...

Он оборвал фразу, почувствовав руку воина у себя на плече. Инстинктивно определив местоположение большого пальца, Конан понял, что рука эта левая. И понял также, что делает в этот момент правая. Он услышал шорох металла по коже. Этот грубиян обнажил меч!

Конан выпустил ногу Килии, одновременно разворачиваясь на табурете. Его сложенный плащ легко скользил, и юноша крутанулся на заднице, одновременно выбрасывая ноги вперед и вверх. Они врезались в левую ногу стражника как раз над ремнем наголенника. В этом коротком размахе оказалось больше силы, чем посчитал замориец, и больше силы, чем он мог выдержать. Воин со стоном повалился на пол.

Какая-то женщина завизжала.

Столешница одного из столов съехала и загремела на козлах, когда кто-то чересчур спешно вскочил. Кто-то прошептал имя священного святого Митры. А Конан тем временем продолжал разворачиваться. Его обутая в сандалию нога с силой опустилась на бедро упавшего стражника. Тот снова застонал.

- Кагул! - воскликнула Килия, вскакивая с места. - А ты, глупый варвар, - мальчишка! Ты ранил Кагула!

Она бросилась к упавшему сержанту и опустилась около него на колени. Он так и не выхватил меч до конца. Теперь же он вместо меча схватился за бедро. Конан моргнул и уставился на молодую женщину, за которой ухаживал с помощью вина, жарких взглядов и хвастовства. Но ему казалось, что...

Его лицо вытянулось. Тут девушка резко подняла голову, устремляясь взглядом куда-то мимо него, и тогда Конан метнулся вбок. И потому меч, направляемый рукой одного из воинов Кагула, рубанул по столешнице, а не по плечу киммерийца. Чаши с вином и засахаренными фруктами полетели во все стороны. Вокруг заголосили. Если бы не почти невероятная быстрота, с которой горец метнулся в сторону, этот меч отхватил бы ему большую часть плеча.

Удивленный стражник ухватился за рукоять обеими руками, собираясь высвободить клинок из дубовой доски. У него были все основания считать, что его намеченная жертва удивлена больше его. Он ошибся.

Бронзовый кулак обрушился, словно кувалда. Этот удар сломал заморийцу предплечье, причинив такую боль, что он проглотил вопль вместе с языком и потерял сознание прежде, чем рухнул на пол.

- Взять его! - закричал другой из воинов Кагула. Посетители повскакивали с мест, прилагая серьезные и старательные усилия оказаться где угодно, только подальше отсюда. Один житель Востока, в халате, во все глаза следил за происходящим. А коринфийский купец покинул трактир с такой быстротой, что его слуге пришлось бежать, чтобы догнать его.

- Проклятый варвар, - крякнул какой-то отставной генерал. - Взять его!

- Взять его! - прорычал Кагул, поднимаясь с помощью Килии.

Однако Килия завопила иное:

- Убить его!

Этот последний вопль решил дело. Грубых стражников и вероломных горожанок, проявлявших больше кровожадности, чем женщины ванов, оказалось более чем достаточно. Иллюзии юного горца развеялись. Его короткий флирт со знатными и богатыми дамами Аренджуна закончился. Лучше б он ухаживал вон за той увешанной рубинами дочерью вельможи, которая теперь забыла про свою презрительную улыбку и горящими глазами следила за происходящим.

Конан метнулся вправо, прочь от двух сваленных им стражников, и развернулся на ходу. Когда он завершил оборот, его длинные ножны из шагреневой кожи опустели. Кулак его заполнила рукоять, а перед ним сверкал трехфутовый клинок.

Вперед выступил третий стражник и попытался заколоть Конана. Ну, допустим, паренек этот был рослым, но он ничего не смыслил в фехтовании. Стражникам нужно было лишь держаться повысокомернее; карманники и воришки имели обыкновение удирать, а не давать бой людям в мундирах с хорошими мечами на боку.

Конан тоже не стремился дать бой. Он увернулся с той же гибкостью и быстротой, какую проявил раньше. И, по-прежнему пригнувшись, вор сделал шаг к нападавшему. Нагнувшись вперед, он описал над головой полукруг собственным мечом. Его кулак задел макушку черногривой головы, и клинок ударил плашмя.

Хлынула кровь, и раздался крик ужаса и боли. Воин показал свою неопытность, выронив собственный меч и повернувшись к киммерийцу спиной. Он зашатался, прижав ладони к изуродованному лицу. Конан толкнул этого малого в спину. Существенный боевой опыт киммерийца научил его не тратить сил на человека, уже вышедшего из боя. Этот высокомерный стражник больше в драку не полезет.

Конан поразился, услышав среди заполнивших "Шадиз-сарай" воплей ярости и ужаса поощряющий крик. Похоже, кто-то здесь научился не любить блюстителей порядка - не тот ли темноволосый носатый в халате? Отставной генерал, прижав руку к брюху, ревел, выражая желание получить меч и отлично зная, что ему его не дадут. Мужчина помоложе, солдат, хотя и без формы и оружия, глядел, сузив глаза. Он попятился. Ростый горец только что отлично продемонстрировал свою ловкость и существенный опыт...

Кагул уже поднялся и выглядел угрожающе. В одной руке у него был меч, в другой - кинжал.

Конан оказался лицом к лицу с тремя вооруженными воинами, надвигавшимися на него на порядочном расстоянии друг от друга.

Теперь, когда его прижали к стене, он обрел полнейшее спокойствие.

- Назад, - рыкнул он по-звериному. - Если ты ценишь жизнь этих щенков, Кагул, лучше отзови их. Весь свой опыт вы приобрели, угрожая лавочникам, запугивая мелких воришек да пытая блудниц, чтоб заставить их заговорить. А я не один месяц провел в цепях, когда мне было всего шестнадцать. Я не раз обагрил этот меч кровью в бою - понятно? В бою. И я не потерплю, чтобы эти псы тронули меня хоть пальцем.

Троица остановилась. "Щенки" Кагула нервно поглядывали на своего вождя. Тот твердо сжал губы и повернулся к Конану правым боком.

- Взять его, - снова повторил он ровным непреклонным тоном. - И не обязательно живым.

Конан пригнулся, словно изготавливаясь к прыжку пантеры.

- Лучше бросайтесь все сразу, - тихо посоветовал он. - Первый приблизившийся ко мне умрет. - А затем повысил голос. - К Белу! - проревел киммериец, вспоминая голос, приветствовавший его расправу со стражником. К Белу!

А затем, твердо сжав губы, прыгнул, рубанув стражника по лицу. Замориец попятился и споткнулся о столик. Какая-то женщина завизжала, а юная аристократка, вся в рубинах, уставилась на происходящее глазами, сделавшимися не менее яркими, чем у птиц. Ее грудь бурно поднималась и опускалась, а кончик языка высунулся увлажнить подкрашенные розовым губы.

Слева на увертливого противника насыпал Кагул, нанося колющий удар снизу. На отмахе клинок Конана встретился с его мечом с громким лязгом. Кагул еле-еле сумел парировать быстрый рубящий удар киммерийца. Горец орудовал своим клинком так, словно тот был из бумаги, а не из тяжелого старого железа. Он отступил на шаг, стрельнув глазами влево, готовый встретить третьего стражника. Вот тут-то и раздался новый голос, наверняка вызванный громким призывом Конана к Белу, богу-покровителю воров.

- Лучше пробирайся к окну, горец! Я слышу снаружи топот других блюстителей порядка.

Находящийся справа от Кагула стражник круто обернулся разобраться с сочувствующим нарушителем закона. Но он успел заметить лишь тень иранистанца в полосатой рубашке и кожаном жилете; а затем синебородый приезжий с далекого Востока вонзил в живот заморийцу трехфутовый ильбарсийский нож.

Только такую помощь он и offered Конану, но наверняка вполне достаточную. В конце концов, этот незнакомец устранил одного врага и предупредил о подкреплении. Через несколько секунд он перемахнул через табурет, проскочил мимо пятящегося знатного заморийца и выскочил в открытые двери трактира.

Конан остался один лицом к лицу с двумя противниками.

Он не стал дожидаться их нападения.

Внимательный киммериец уже заметил окно, выходящее в переулок. Он рванул с места, ткнув мечом вперед, нанося скользящий удар, от которого Кагул предпочел увернуться. Варвар пронесся мимо него к противоположной стене не останавливаясь, швырнул меч в окно и последовал за ним, нырнув головой вперед.

Снаружи клинок с лязгом отскочил от стены, находившейся менее чем в шести футах от окна, и заскользил по земле, в то время как Конан, согнувшись, ударился об утрамбованную землю переулка и покатился. Он остановился у противоположной стены и распрямился без единого стона.

Его движения были обдуманными, методичными. Край его туники порвался. Поднявшись, Конан подобрал левой рукой меч. Одновременно он переместил длинный клинок вправо. Тот скользнул в ножны, прежде чем северянин полностью распрямился. Конан не оглядывался. Он задрал голову и осмотрел стену трактира: скат крыши, карнизы, образованный продолжением карнизов верхних окон. За эти несколько секунд Кагул и стражник еще не успели добраться до окна. А пятеро подошедших стражников еще не добрались до главного входа в трактир.

Отшвырнув стражника в сторону благодаря инерции и неплохо откормленной тушевкой, отставной генерал добрался до окна. И лишь мельком увидел трепыхание порванного края туники, когда беглец завернул за угол трактира.

- На выход и в обход! Он убежал в глухой переулок. На запад!

- Я бы выскошил в окно и догнал его, господин Стахир, - сказал Кагул. - Но вы загораживаете окно.

Старший по званию и по возрасту Стахир повернулся к сержанту стражи. Глаза впились в сержанта и внезапно стали кусочками льда на грязном лице с фиолетовыми прожилками.

- Наслаждайся звуками своего голоса, мелюзга, - процедил сквозь зубы Стахир. - Второй раз за сегодняшний вечер ты вздумал тявкнуть на того, кто выше тебя. Как только я доложу, к чему привела сегодня твоя горячность, тебе повезет, если ты не будешь беседовать с палачом, не говоря уж о том, чтобы и дальше командовать стражниками. - И с этими словами Стахир круто повернулся к ввалившимся в трактир новым стражникам. Те получили приказ не от какого-то сержанта, а от отставного генерала.

Когда эти стражники обогнули "Шадиз-сарай" с обеих сторон и сошлились позади него, то никого не обнаружили...

Едва завернув за угол трактира, киммериец использовал набранную инерцию и мощные мускулы своих ног. Он прыгнул, ухватился за карниз здания. Его бицепсы, мускулы плеч и спины вздулись, когда он подтянулся. Словно изготавливаясь к прыжку крупная кошка, он очутился на четвереньках на узеньком карнизе. Он двинулся по нему, повернулся. Потом Конан остановился, вглядываясь в темноту и обдумывая свое положение. Все это заняло несколько секунд.

Пока Кагул выслушивал неприятные новости относительно своего будущего, Конан перепрыгивал на крышу одноэтажного здания позади "Шадиза". К тому времени, когда пятеро стражников добрались до переулка позади трактира, Конан был уже в четырех зданиях от "Шадиза", двигаясь так, как мог только киммериец. Он слышал, как семеро стражников перекликались друг с другом, рассыпаясь цепью и спеша по темным переулкам. Никто и не подумал посмотреть вверх. Они ловили человека, а не медведя и не снежного барса.

Конан снова порвал тунику и еле-еле удержался от ругательства. Его прекрасный новый плащ остался на табурете в "Шадиз-сарае", и он вряд ли вернет его! А теперь погибла и его новая прекрасная шелковая туника. Неужели этот вечер не принесет ему решительно ничего хорошего? Опустившись на корточки, юноша двинулся по наклонному краю крыши к карнизу, шедшему вокруг выступающего эркера второго этажа. Там имелось крошечное окошко, которое могло пропустить внутрь дома только воздух, но не вора или убийцу.

Конан замер, заслышив голоса. Они доносились из крошечного окошка на эркере другого трактира. Киммериец нахмурился и остановился, уставясь на окошко, словно мог таким образом расслышать лучше.

- Уж не знаю, почему он так дорог для этого Хизарра Зула, - произнес мужской голос с не заморийским акцентом. - Но он определенно дорог для нашего повелителя!

- И поэтому мы стали ворами, - отозвался женский голос, тоже с акцентом.

"Иностранцы", - подумал Конан, и до его сознания дошли два слова: дорог... воры. У воров в Аренджуне и без того жизнь тяжелая, подумал он, не хватало еще и иностранцев! И они обсуждали свои планы, не так ли?

По-волчьи оскалившись, Конан подкрался по карниzu поближе, словно зверь джунглей двигался в темноте. Он внимательно прислушался к разговору в комнате на втором этаже трактира.

- Ради нашего повелителя, Эрлик побери! - резко воскликнул мужчина.

- Да, - вздохнула женщина. - И впрямь Эрлик побери... Глаз Эрлика... и он в руках того,

кто бежал из Замбулы десять лет назад. Его называли магом, этого Хизарра Зула; ты знаешь, Карамек, зачем такому понадобился бы амулет нашего повелителя?

- Платят нам хорошо, и треть платы уже у нас в кошельках. Кончай пытать нашу удачу, Испарана. Мы сможем год прожить на то, что получим, вернув амулет в Замбулу, - и хорошо пожить! Довольно и того, что Глаз Эрлика принадлежит нашему хану. Он был похищен старым врагом и должен быть возвращен. Ты ведь видела, как хан нервничал!

- Карамек! Неужели ты даже не знаешь? - поразилась эта Испарана, в голосе ее назревало недоверие. - Неужели ты вообще не задавал никаких вопросов?

- Наша задача - снова похитить его, - разъяснил с преувеличением терпением Карамек. - Ничего иного нам знать не нужно.

- Ну так послушай же, мой глупенький порывистый Карамек! Ханский Глаз Эрлика священен для него и настроен лично на него с помощью колдовства: посредством его хана можно заставить подчиниться или убить.

- Борода Эрлика! Неудивительно, что он хочет вернуть его!

"Неудивительно, - подумал Конан. - И, надо думать, хан Замбулы... по-моему, после сегодняшней ночи в Аренджуне для меня станет чуточку жарковато... Можно попробовать поискать милости у правителя Замбулы!"

- И подумай еще, Карамек, - говорила по-прежнему с нажимом в голосе Испарана, как умная взрослая дама, поучающая порывистого мальчика. - Если хана заставят подчиняться или убьют, то трон Замбулы достанется отнюдь не его сыну Джангире, а кому-нибудь другому. И этим другим будет Балад! А...

- Балад! Клянусь Йогом Повелителем Пустых Обиталищ! Это было бы катастрофой!

"Катастрофой будет, - размышлял киммериец, пытаясь устроиться поудобнее, - только если помочь в этом деле правителю Замбулы примется пара замбулийцев, а не великолепный вор из Киммерии!" И потому он внимательно слушал, пока заговорщики составляли план. Нервничая, говорили они о жутких охранниках Хизарра Зула, настоящих зомби, не думавших ни о чем, кроме защиты владений своего хозяина и убийства всех сунувшихся туда. Карамек и Испарана полагали, что имелись и другие средства защиты; ведь этого Зула выгнали из Замбулы десять лет назад за темное колдовство.

- Значит, через две ночи, клянусь бородой Эрлика, - решила Испарана. Когда зайдет луна и небо будет темным, как сердце Хизарра Зула!

Конан, по-волчьи скалясь, уже составляя собственные планы, поднялся и крадучись отправился через крышу. Он перепрыгнул на другую крышу, а оттуда на землю и, миновав темные переулки, вскоре исчез в Болоте.

"Через две ночи, да, - размышлял он. - Но завтра... этот ценный амулет украду я! И правитель Замбулы должен будет заплатить, и хорошо заплатить за свой Глаз Эрлика, если захочет передать трон своему любимому сыночку!"

Пробираясь в夜里, улыбаясь и строя планы, он так и не дослушал разговор замбулийцев.

- Через две ночи, да? - переспросил Карамек. - Нет, нет, Испарана, тебе лучше заниматься тем, что ты умеешь лучше всего! Ты забываешь, что через две ночи наступит Ночь Иштар, которой поклоняется царица... и время Деркето! На улицах будет полно людей с факелами, и Хизарр Зул наверняка будет держаться поближе к этому своему дому-дворцу. Нет, мы заберем амулет из его сундуков завтра ночью!

Глава 2

В ДОМЕ ХИЗАРРА ЗУЛА

На улицах Аренджуна толпилось много людей из разных стран. Они растекались многоцветной рекой среди храмов и более темных владений мириад странных богов Заморы. Некоторые занимались или пытались заниматься торговлей, честной и не очень законной. Некоторые шпионили для того или иного жреца или обеспокоенной аристократки, иностранного правителя, жреца или честолюбивого мелкого барона. Некоторые назначали тайные встречи для себя или своих хозяев и хозяек. Многие сплетничали, и потому рыночная площадь Аренджуна гудела, как огромный пчелиный улей. Среди тем фигурировал и царь Заморы, пристрастившийся к пьянству во время правления Яры - жреца, погибшего под обломками неожиданно рухнувшей Слоновьей Башни. Пил он много... Теперь никто не был уверен, кто же на самом деле правит Заморой и кого в Аренджуне не следовало раздражать; по крайней мере, когда все знали, что Яра - это сила и власть, они знали, кого остерегаться.

Многие в Аренджуне разгуливали без дела, наблюдая, задавая небрежные вопросы, обдумывая, разведывая. Они замышляли кражи, и среди них был и Конан.

Сегодня он не носил никакого красивого плаща, исчезла и его трижды порванная туника из голубого шелка. Поскольку расшитую золотом кайму можно было нашить на другую одежду, она принесла киммерийцу немного денег. А небрежные вопросы и наблюдения сообщили ему о Хизарре Зуле немногим больше того, что он подслушал прошлой ночью.

Этот человек, вероятно, был магом, во всяком случае кудесником. По большей части он держался особняком в своем маленьком имении на краю Аренджуна, противоположном от того места, где лежали развалины некогда блистающей башни Яры. Шептались по улицам об охранниках Хизарра Зула, но ничего определенного узнать не удалось. Дом Хизарра Зула ни разу не ограбили. Никто не знал, откуда лет этак десять назад появился этот странный человек. Из Замбулы? Наверное, кто его знает? Кого это волнует? Хммм... Вообще-то сегодня о нем задавал вопросы еще один человек, говорящий с акцентом... Ты ведь не из столицы приехал, не шпионишь для царя, переодевшись в оборванные одежды нищего? Вот - выпей-ка чашу вина, рослый "нищий". Излишняя осторожность никому никогда не вредила...

Пробираясь через город, нищий оборванец с горящими голубыми глазами и прямоугольно подстриженной черной гривой отыскал просторное имение Хизарра Зула.

За стенами, насколько Конан видел, ничего не происходило. Он не видел никого входящего или выходящего из ворот. Не услышал он и производимого зверьми шума и не почувствовал никаких таких запахов, хотя старательно прислушивался и принюхивался, так как помнил про львов, охранявших зеленый сад дворца Яры.

От того приключения в Слоновьей Башне у Конана осталось две вещи: превосходная веревка покойного Тауруса из Немедии и повышенная осторожность. Он потратил не один час на разведку обнесенного стеной дворца Хизарра, хотя казалось, будто он просто бродяжничал, выклянчивая милостыню. Находящийся за стеной особняк выглядел впечатляющим и странным. Построенный из камня и бледного как труп мрамора, он расплылся бледным пятном и казался мрачным и населенным демонами, с окнами, похожими на ровно ограненные аметисты.

- Слушай, ты, здоровенный верзила! - зарычал на него одноногий калека. - Чего ты лезешь в дела тех, кто и правда нуждается в подаянии? Займись чем-нибудь! Иди и воруй, будь ты проклят!

Тем вечером у одного спящего за пределами Болота исчез плащ, поношенный, но вполне пригодный для защиты от ночного холода. Время, изношенность и погода превратили этот плащ из красного в светло-ржавый. Чуть позже рослый человек сбросил тот плащ и засунул

его между тощим искривленным деревом и основанием каменной стены.

Он стоял в темноте, облаченный только в свободную короткую тунику без рукавов, зашнурованную спереди. На поясе его висел в ножнах на ремешке длинный кинжал, а старые кожаные ножны с мечом висели у него за спиной, так что рукоять меча торчала у него из-за левого плеча. В неправедно добытом плаще остался кошелек с монетами, которые могли еще, чего доброго, зазвенеть во время операции по изъятию ценностей. Им будет гораздо безопаснее здесь, у стены владений Хизарра, от которых все старались держаться подальше, чем в том логове воров, которое называлось Болотом!

Сандалии он тоже оставил между стеной и деревом. А на поясе у него еще висела сумка с инструментами и превосходная веревка, принадлежавшая прежде немедийцу Тавру. Тот вор рассказывал Конану, что веревка сплетена из локонов умерших женщин, извлеченных Тавром в полночь из гробниц, и смочена для придания ей прочности в смертельном вине дерева упас. Будучи еще более рослым, чем Конан, Тавр клялся, что веревка выдержит тройной его вес.

В данный момент Конан не собирался проверять, так ли это. Стена-то возвышалась всего на десять футов.

Вначале он осторожно огляделся кругом, всматриваясь в темноту. Дворец Хизарра стоял в стороне от досаждающих соседей. Конан ничего не увидел и никого не услышал. Он отошел от стены, по-прежнему настороженно пригнувшись, словно тигр перед прыжком. Сделанные им ранее наблюдения показали ему, что никаких отблесков солнца на верху стены нет и, значит, она не усажена обрезками стали или осколками стекла.

Может ли быть правдой, что за последние несколько лет то ли восемь, то ли девять хороших воров негласно объявили о своих планах ограбить этот дом и ни одного из них больше не видели?

Ну, они ведь не были киммерийцами.

Отойдя на десять футов, Конан развернулся, побежал, прыгнул и ухватился обеими руками за верх каменного барьера. Босые ноги помогли ему вскарабкаться по скрепленным известняковым раствором старым камням, и через несколько секунд он уже лежал на стене, бывшей выше фута шириной. Какое-то время он оставался там, настороженно прислушиваясь, стараясь хоть что-нибудь разглядеть в темноте. Хотя слух у него, как и все другие чувства, отличался необычной остротой, рожденный на поле боя киммериец не увидел, не услышал и не почуял ничего угрожающего.

Луна, как раз взошедшая на другой стороне Аренджуна, казалась всего лишь полумесяцем. Он поздравил себя - словно у него был какой-то выбор - с тем, что удачно выбрал время. Завтра на улицах будет полно правоверных пьяниц с факелами и жутковатым молитвенным гудением, пронзаемым воплями религиозных фанатиков.

Конан ничего не услышал, ничего не увидел. Безмолвие накрыло мрачный дворец Хизарра Зула, словно черное одеяло. Два крыла двухэтажного особняка высились в сорока футах от стены. Сам особняк вполне мог быть логовом покойников и сохнущих мумий. Конан не увидел никакого света. Ранее он заметил лишь один огонек на противоположной стороне в другом крыле, вот почему он и находился здесь, среди мертвых теней перед темными окнами.

Сорок футов дерна с густой травой и густыми елями, высиявшими в ночи, словно темные часовые, отделяли его от дома. У подножия елей лежат опавшие иголки, и Конан обойдет их стороной. Так как достаточно темно, незачем укрываться в тени деревьев. Во

дворе могли быть собаки, ловчие ямы, львы неизвестные охранники. Если Конан будет ползти или красться, такие охранники, вероятно, обнаружат его с той же легкостью, что и в том случае, если он побежит. В такой темноте он угодит в капканы с ничуть не меньшей вероятностью. Если же он станет двигаться украдкой, у него будет меньше шансов ускользнуть от ловушек и часовых.

Конан бесшумно ступил на территорию дворца Хизарра.

Пригнувшись, он видел не так далеко, как со стены. Но это не имело значения. Конан отлично видел каждое дерево, и дом, и свой путь. Он глубоко вдохнул - и побежал, словно за ним гналась дюжина демонов.

Несколько секунд спустя он оказался около дома и почти не запыхался. Ничего не случилось. Либо Хизарр Зул не установил никакой защиты, как это сделал Яра, либо бежавший столь быстро и бесшумно киммериец остался незамеченным. Хорошо! Стоя около дома, Конан посмотрел вверх.

Не открыто ли вон то удобно расположенное окно?

Нет. Ну конечно нет. Уж настолько ему повезти не может. Он двинулся дальше. Это? Нет. Он обдумал, не разбить ли его. Нет. Хотя свет он видел только в другом крыле, рискованно устроить шум, разбив стекло, бывшее почти непрозрачным и аметистовой окраски. Киммериец двинулся дальше вдоль мертвенно-бледной стены. Один куст, казалось, наклонился к северянину, и волосы на загривке встали дыбом от суеверного страха. Конан обошел таинственный куст, описав широкий полукруг. Уж не маг ли этот Хизарр?

Еще одно окно, тоже пурпурное, тоже непроницаемое для его взглядов и тоже запертое изнутри.

Прямо у Конана над головой высился маленький окружный балкон. Возможно, Хизарр стоял там, любуясь закатом. Возможно, его дверь...

Сумка Конана была битком набита воровскими инструментами, переложенными кусками губки. Сняв ее с пояса, северянин привязал ее ремешки к концу веревки Тавра. Конан сделал несколько шагов назад, держась рядом с домом. Когда он наткнулся спиной на елочку, его чуть не охватила паника, так как он заподозрил в ней какого-то часового. Он ошибся. Это оказалась всего лишь высокая елка.

Балкон возвышался над землей более чем в десяти футах. Судя по высоте окон и балкона, у этого второго этажа толстые полы! Балкон окружали железные перила. Конан прищурился. Вертикальные железные прутья были в большой палец толщиной, и их отделяло друг от друга примерно восемь дюймов. Конан прицелился, раскрутил, нацелил и подбросил свою сумку с инструментами. Вслед за ней устремилась веревка.

Когда сумка ударила о прут и отскочила, Конан тихонько выругался, но поймал ее.

"Вот когда я стараюсь попасть во что-то, то промахиваюсь в девяти случаях из десяти!"

Второй раз он бросил с большей силой и почти не целясь. Волоча за собой злополучную веревку, сумка проскользнула между двумя железными прутьями, перелетела через балкон и рухнула между двух прутьев на другой стороне. Схватившийся за веревку Конан остановил сумку всего в футе от земли. Он дал ей опуститься и бросил свой конец веревки. Веревка сильно провисла.

Он привязал конец веревки с сумкой к низкому тощему кусту. Конан знал, что куст этот слишком слаб. Сделав глубокий вдох, он вытер ладони о тунику на бедрах, поплевал на них и снова потер руки. И отошел на противоположную от привязанной веревки сторону балкона.

Разбежавшись и подпрыгнув, он левой рукой ухватился за веревку в девяти футах над

землей. Мощный рывок дал ему возможность ухватиться правой рукой за пол балкона. Двигался киммериец достаточно быстро и не вырвал кустик из земли, хотя и почувствовал, как тот подался.

"Хитрец ты, киммериец", - размышлял он.

Но именно потому, что он был киммерийцем, и к тому же необыкновенно сильным, он ухватился за один железный прут у его основания. Затем за другой. Ухватился за первый повыше. Не без усилий, не раз крякнув от натуги, Конан подтянулся благодаря силе похожих на канаты мускулов.

Очутившись на балконе, он втянул наверх сделанную из волос веревку и обмотал ее вокруг двух вертикальных прутьев. Ухватившись за нее обеими руками, он подобрался и потянулся на себя.

...Когда он почувствовал, что корни кустика начинают подаваться, он снова расставил ноги пошире, прежде чем потянуть изо всех сил. Эта часть плана сработала: корни молодого растения вырвало из земли.

Конан отвязал сумку с инструментами, а куст раскрутил и бросил с такой силой, что тот упал наземь далеко за стеной, через которую северянин только что перелез.

"А теперь, - подумал он, методично вновь пристегивая сумку к поясу и свертывая веревку, - эти извращенные заморийские боги наверняка устроят так, что балконная дверь окажется надежно запертой!"

Это был тот случай, когда ошибка варвара не огорчила. Узкая дверь, ведшая из дома на балкон, оказалась незапертой. Конан вошел в дом Хизарра Зула.

Несмотря на многочисленные заботы, он все еще был порывистым юношей, который погиб бы от когтей львов Яры, если бы не немедийский вор. Конан понятия не имел, где в этом доме с двумя двухэтажными крыльями мог быть скрыт Глаз Эрлика, и он понятия не имел, как выглядела эта штука.

Определенные предположения у него имелись. Раз амулет - значит, предмет этот маленький, вероятно, висит на ремешке или на цепочке. Так как его истинным владельцем был царь или скорее сатрап, то это наверняка будет цепочка, а не ремешок, да притом, скорее всего, золотая цепочка. Ну... по всей вероятности, амулет будет выполнен в виде фигурки. Эрлик, Желтый Бог Смерти, изображался страшным существом с желтыми или зеленовато-желтыми глазами. Значит, фигурка на золотой цепочке, с топазовыми или светло-изумрудными глазами. И наверняка фигурка тоже будет сработана из золота.

Проделав в уме такие вот логические выкладки, Конан решил, что его выводы верны. Следующий вопрос: где же амулет может находиться?

Наверняка не прямо на виду - но и не в сундуке с казной тоже. Эта комната по всем признакам и запахам казалась нежилой. Сочтя, что Хизарр будет держать такое сокровище где-нибудь под рукой, чтобы любоваться им, Конан нашел дверь и покинул помещение.

***

Спустя несколько минут он уже шел по коридору, тускло освещенному свисавшим с потолка на бронзовой цепи масляным светильником, сделанным в виде дракона. Досадуя на себя и отсутствие знания, он решил обнаружить и отметить местонахождение Хизарра Зула, а уж потом искать где-то поблизости амулет.

Почти сверхъестественно острый слух предупредил его о приближении кого-то. Незнакомец двигался крадущимися шагами. Два быстрых шага - и Конан оказался у двери. Он осторожно толкнул ее и обнаружил за нею еще одну темную комнату. Она казалась

пустой, за исключением огромной статуи, похоже, из нефрита и большого черного сундука, содержавшего, вероятно, культовые предметы этого бога. Неплотно прикрыв дверь, киммериец следил изнутри за продвижением неизвестного и вдруг сообразил, что этот человек ему знаком. Это же тот приезжий с Востока, что помог ему прошлой ночью в таверне! Наверняка он вор, так как этот малый откликнулся на призыв Конана к богу воров.

Уставясь на него во все глаза, Конан вспомнил, как ему говорили, что сегодня о Хизарре Зуле расспрашивал еще один иностранец. Тогда он, естественно, предположил, что этот иностранец не кто иной, как Карамек из Замбулы, несмотря на замечание уличного торговца губками, что человек тот наверняка прибыл из куда более отдаленного Иранистана. Об этой стране Конан ничего не знал. Замбула же находилась далеко к югу от Аренджуна, и между ними лежала пустыня. Иранистан, стало быть, еще дальше на юге, не так ли?

Гадая о том, является ли присутствие здесь этого малого в полосатой рубахе и халате случайным совпадением, или иранистанец тоже проник сюда за амулетом, Конан следил за тем, как другой вор проходил мимо него. Коридор с полом из розовой кафельной мозаики двадцать футов тянулся прямо, прежде чем достигал центра особняка и разветвлялся. Киммериец подождал. Когда у него возникло убеждение, что другой вор свернул в один из боковых коридоров, он осторожно выглянул из комнаты. Коридор был пуст.

Конан уже собирался выскоцить из своего убежища, когда снова услышал шаги с той же стороны, откуда пришел иранистанец и куда собирался направиться Конан.

Кром! В этом коридоре народу, как на рыночной площади в полдень! Конан подался назад и прикрыл дверь, оставив лишь дюймовую щелку.

На этот раз он увидел троих в воинских доспехах. Эти люди двигались безмолвно и мрачно-целеустремленно. Все в островерхих шлемах, безрукавных чешуйчатых кольчугах поверх белых туник с зеленой каймой и в поножах на коринфийский манер. Каждый держал в руке обнаженный меч, а в ножнах на поясе висел еще и кинжал. Все трое были без щитов. Варвар с удивлением уставился на них.

При виде странных охранников Хизарра Зула по коже бежали мурашки. Воинышли тяжелой поступью без единого слова, словно безмозглые, и в их тусклых, неподвижных взглядах сквозила... глупость? Нет, безнадежность! Они выглядели словно побитые псы или беглецы из какого-то легиона потерянных душ. Однако... в их движениях проглядывала и целеустремленность, их тихие шаги направляла только одна мысль. Эге, а подошвы-то их из губки, привозимой с моря и продающейся по очень высокой цене!

Они прошли, следя то ли случайно, то ли умышленно за иранистанцем. Конан снова заставил себя подождать. Эти воины не выглядели настороженными. На самом-то деле они смахивали на одурманенных. Он чувствовал, что с его умением бесшумно красться он мог выйти и устремиться в противоположном направлении, так и не заставив ни одного из них обернуться и заметить его. Но ему не требовалось так спешить. Незачем ему рисковать. Он подождал.

Но вот третий из этого странного трио исчез в коридоре, ведущем налево. Конан вздохнул, вытер ладони и покинул комнату.

Он сделал восемь бесшумных шагов, когда позади него раздался шум и грохот.

Он круто обернулся и ничего не увидел. Шум стал громче, доносясь из левого ответвления коридора: лязг железа, звон металла о металл. Чей-то клинок зазвенел о стену. "Возможно, иранистанец, - подумал Конан. - Видно, он нашел то, что искал, а возможно, и нет". Для Конана куда важнее было то, что зомбиподобные охранники нашли его.

Звуки боя стали громче. Киммериец словно видел его собственными глазами: иноземца в штанах и халате загнали в узкий коридор, и если он хорошо владел тем своим длинным, словно меч, ножом, то он еще долго сможет сдерживать стражу, поскольку коридоры эти недостаточно широки, чтобы позволить им атаковать иначе, чем плотно сбившись в кучу.

"Это не мое дело, - подумал Конан. - Этот иранистанец всего лишь вор-соперник. К тому же, если он займет троих стражей, у меня будет куда больше свободы действий. Мне лучше пойти посмотреть, откуда выйдет глянуть, что тут за шум, Хизарр, и поискать в комнате, где он был!"

Мысль эта была толковой, разумной и достойной любого вора, привыкшего заниматься собственными делами и не лезть в чужие.

Однако киммериец даже не повернулся назад, чтобы возобновить свои поиски. Прошлой ночью этот иностранец в штанах и кожаном жилете помог ему. Возможно, его предупреждение и удар ножом были и не нужны. Тем не менее, этот человек пришел ему на помощь. Есть там у воров свой кодекс чести или нет, а у киммерийцев он имелся.

Конан припустил по коридору на звуки боя и на бегу выхватил висящий за спиной меч.

Он завернулся за угол и увидел именно то, что и представлял себе: спины трех охранников. А дальше по коридору невысокий смуглый иранистанец сдерживал их натиск, хотя насилия на него здорово.

Конан нанес удар так же неожиданно, как тигр, ринувшийся из темноты, хотя, атаковав, не мог удержаться от крика:

- К Белу!

- Хо-хо! И впрямь к Белу, верзила! А! Кто бы ты ни был, Аджиндару из Иранистана никогда так быстро не отвечали добром... Ха!.. На добро!

Бой вышел очень коротким. На самом деле он вообще не походил на бой.

Двое из охранников в мундирах обернулись на голос Конана, безмолвные и целеустремленные. Третий же и дальше рубился с Аджиндаром-иранистанцем. Так как он находился слева от киммерийца, то последний сдерживал двоих повернувшихся теперь к нему резкими взмахами меча на уровне их лиц. Так что один отшатнулся, а другой присел под ударом, который закончился тем, что лезвие Конана врезало третьему сбоку по шее. Клинок вонзился, перерубая кость, полуобезглавив охранника.

- Отлично сработано! - крикнул Аджиндар и почти так же разделался с еще одним противником. И остался только один враг. Но путь ему преградил воин, почти обезглавленный Аджиндаром. Отлично сработано или нет, а у киммерийца возникли трудности - ему было не вытащить клинок из шеи своей жертвы.

Аджиндар пинком убрал с дороги свою жертву. Полуобернувшись, Конан вырвал окровавленный клинок из тела убитого и нанес ответный удар так злобно, что острие меча просвистело в нескольких дюймах от подбородка собрата-вора. Охранник пригнулся, уклоняясь от этого стремительного взмаха.

- Хо! Поосторожней там, верзила, ты ведь по-настоящему не сознаешь собственной силы, верно! Хо-о!

Он поймал рукоять меча, когда третий охранник попытался нанести удар в тесном коридоре, а Аджиндар подошел слишком близко, чтобы ударить мечом. Дальнейшее произошло одновременно: левая рука охранника взметнулась с кинжалом, нацеленным в бок Аджиндара, а нога Аджиндара вскинулась, ударив воина между бедер. Конан рубанул по руке с кинжалом так, что та закачалась на нескольких полосках алой плоти. Перерубленная

артерия продолжала качать кровь, и та залила пол и стену.

- И проворный к тому же, - проворчал Аджиндар, отклоняясь назад, когда получивший от него коленом в пах охранник беспомощно согнулся от боли. Он даже не смог закричать из-за перерубленной руки. Иранистанец пнул его в лицо, а потом рубанул воина мечом по шее.

Ему пришлось повернуться, чтобы высвободить свой длинный клинок с гор Ильбарса.

- Ну! За исключением того твоего удара по запястью - за что тебе большое спасибо, великан, - очень ловко! Похоже, мы оставили всем троим по полшее на: каждого и лишили их горла и яремной вены! Рад, что помог тебе прошлой ночью, друг. Я тебе свое имя назвал - а как зовут тебя?

- Я - Конан, киммериец.

- Черные волосы и голубые глаза... да... Киммерия, а? В тех горах люди огромные, не так ли? Благодарю тебя, Конан из Киммерии.

- Всего лишь услуга за услугу, Аджиндар из Иранистана.

Двое воров мрачно усмехнулись друг другу. У их ног дергались и сучили ногами стражи, а розовая кафельная плитка делалась намного темнее. Левой рукой словоохотливый Аджиндар проверил разрез на штанине. Когда он извлек оттуда руку, пальцы у него были покрасневшими.

- А! Этот ублюдок царапнул-таки меня. Кусок белой туники одного из стражей остановит кровь... Конан, зачем ты сюда сегодня забрался? Аджиндар по-прежнему улыбался.

- За одним амулетом, - поведал Конан своему новому другу, обрадованный тем, что нашел приятеля, да к тому же отличающегося силой и хорошим настроением. А ты?

- Ах, боги, я боялся, что именно так ты и скажешь, - тихо произнес Аджиндар и нанес удар.

Конана спасло только то, что иранистанец поскользнулся в крови охранника. Окровавленный ильбарсийский нож метнулся чуть дальше, чем рассчитывал его владелец; и Конану удалось избежать его. Нацеленный в шею, удар не задел его - почти не задел. Вместо того чтобы врезаться в основание бычьей шеи, клинок унес с собой рваный кусок красновато-коричневого рукава туники и крошечный кусок кожи, оставив рану не глубже толщины ногтя.

Конан полностью развернулся, и поэтому, когда он снова оказался лицом к иранистанцу, их отделяло друг от друга три фута. Из левого плеча Конана сочилась кровь. Меч он держал низко, под углом вверх.

- Проклятие! - выругался Аджиндар, почти улыбаясь.

- Дружба столь же быстро рвется, как и возникает, друг, - прошипел низким гортанным голосом Конан. - Почему так?

- Ты должен знать. Я здесь по тому же делу. Меня нанял мой собственный царь. А тебя?

- Я сам.

- Так ты просто вор?

Конан кивнул. Добродушно-веселая манера и вероломство этого человека ранили его куда сильнее, чем царапина меча; Конан испытал горькое разочарование.

- Тогда присоединяйся ко мне, друг Конан. Мой царь будет благодарен моему другу, который поможет мне доставить ему... амулет.

Конан обдумывал предложение всего несколько секунд.

- После только что проявленного тобой вероломства? Я же буду бояться уснуть или повернуться к тебе спиной, друг.

Аджиндар вздохнул:

- И, судя по тому, что я видел только что и прошлой ночью, подозреваю, что ты не готов сказать: "Извини, Аджи... забирай Глаз Эрлика, а я пойду домой с пустыми руками". Я прав?

- Ты прав, друг.

- А ты злишься. Это, конечно, от молодости. Но послушай, тут же полно драгоценностей. Все твои. Мне нужен только амулет.

- Так же, как и мне.

- Проклятие! И, судя по твоей силе, я подозреваю, что свою наилучшую возможность справиться с тобой я уже использовал...

- Снова верно, бывший друг, - согласился с ним киммериец. - А теперь мы наделали много шума, и его наверняка кто-то да услышал. Я посторонюсь и дам тебе добраться до ближайшего окна, так как у меня нет никакого желания убивать тебя.

Иранистанец, выглядевший по-прежнему опечаленным, замотал головой:

- До ближайшего окна... и убираться домой с пустыми руками, да?

- Верно, друг. С пустыми руками... но живым.

Аджиндар тяжело вздохнул. Не отрывая глаз от киммерийца, он опустился на корточки и вооружился, отыскав на ощупь левой рукой кинжал, которым его владелец больше не пользовался.

- Боюсь, что этого я сделать не могу, друг Конан. Видишь ли, я выполняю поручение своего царя. И за мной следят. Преданность, страх перед наказанием и так далее... Это правда, что вы, киммерийцы, варвары?

- Так нас называют.

- Проклятие! И к тому же здоровенный. Ну... - Аджиндар отвернулся, опуская плечи, и... крутанулся, атакуя, выставив длинный нож и вскинув его, чтобы поймать бойца, бывшего, как он знал, достаточно проворным, чтобы пригнуться.

Конана никто не смог бы дважды захватить врасплох, как какого-нибудь глупого аренджунского стражника, получившего весь свой опыт исключительно на учебном плацу. Его и так смущало, что он чуть не погиб из-за первой хитрости Аджиндара. И на этот раз он отбил длинный нож другого вора собственным мечом. Увернулся от кинжала и ввинтился вперед так, что запястье Аджиндара ударилось о его же портупею. После чего киммериец с силой пнул иранистанца по левой ноге.

Какой-то миг Аджиндар пытался сохранить равновесие. Но поскольку его размахивавшим рукам было не за что ухватиться, кроме воздуха, он рухнул тяжело - и ударился левым локтем о стену коридора. Кинжал выпал из его руки в нервном спазме, словно выброшенный пружиной. Сидя на полу, привалившись спиной к стене возле самой двери с нелепо низким замком, он поднял голову и остекленелым взглядом уставился на киммерийца.

Конан не ответил. Он все еще не хотел убивать этого человека. Чтобы стать тем человеком - акулой, - которым он в конце концов сделается, ему еще предстояло пройти долгий путь.

- Проклятие, - сказал Аджиндар, без злости глядя на него. - Ты проворен и хороши, великан. Тот кинжал принес мне не больше пользы, чем своему первоначальному владельцу. Предлагаю тебе не брать его как добычу. Эта штука проклята. - Он тяжело вздохнул. - Ладно.

- Варвар предлагает тебе возможность встать и уйти, Аджиндар. Нет, не жди, что я подойду к тебе слишком близко. Я однажды проиграл бой потому, что думал, будто победил, а меня пнули по голени. Но больше этого не повторится.

Аджиндар скорбно улыбнулся киммерийцу и покачал головой. Он и не пытался скрыть откровенное восхищение.

- Сколько тебе лет, великан... десять?

- Одиннадцать.

Аджиндар хохотнул:

- Я тебе верю!

Еще раз вздохнув, иранистанец начал подниматься. Его пятка поскользнулась по кафельной плитке, так что он накренился и упал, боком навалившись на дверь. И в двери мгновенно со щелчком и негромким стуком отвалилась панель, словно выдвижной ящик. Она находилась на уровне голеней, если б Аджиндар стоял. А так как он не стоял, то две харамийские гадюки, появившиеся из ниши за панелью, ужалили иранистанца в лицо и шею, каждая дважды за четыре секунды.

Дергаясь, стеная и выглядя скорее страшно удивленным, чем охваченным болью, Аджиндар не выказывал никакого ужаса. Он выпустил меч и схватил в каждую руку по твари с желтыми полосами. И швырнул обеих змей в Конана, который шагнул в сторону и очень ловко рассек пополам обеих летящих рептилий, не задев клинком ни стену, ни пол. Четыре части змеи ударились о стену коридора напротив иранистанца и, извиваясь, упали на пол. Босой киммериец держался от них подальше.

- Ты мой худший друг, каким я когда-либо обзаводился, Аджиндар из Иранистана.

- Да, полагаю. И к тому же мертвый. Проклятие! И все из-за того, что поскользнулся... Ну, ничего не попишешь. Друг Конан, ты знаешь, что у меня в запасе всего несколько минут. Послушай же, не задавая вопросов. Меня нанял Кобад-шах, царь Иранист... о!

Аджиндар содрогнулся и привалился спиной к двери. Конан знал, что яд этих гадюк, настолько сильный, что его разводили в молоке для смазывания им кинжалов убийц и наконечников стрел, уже действовал. Из опухоли с большой палец, вздувшейся на шее Аджиндара, стекала тонкая струйка крови.

"Несколько минут? Нет, - подумал Конан. - У этого человека осталось всего несколько секунд".

- Кобад-шах дорого заплатит за то, что ты ищешь, паренек. Дорого. Не будь настолько глуп, чтобы иметь дело с обычным аренджунским барыгой. Ты знаешь, что тебе надо, - а! - Ужаленный снова содрогнулся. Его лицо потемнело, опухло, а руки подергивались. - Надо бежать, - произнес он тише, и ему становилось все труднее складывать и произносить слова. Арен-дж-жуунн... доставить Глаз... К-Кобаду... прямо по этому коридору... изящный маленький клинок, что ты ис-счешь, он... в футляре... зеелеоной... кооммнате.

Аджиндар из Иранистана съехал по двери на пол, с пурпурно-черным лицом, вывалившимся языком, вытаращенными и уставившимися в пространство темными глазами. Рука, которую он пытался поднять к груди, так и не дошла до нее.

Конан шумно вздохнул.

- Не много ж тебе дал Кобад-шах, друг. Всего лишь смерть вдали от родного дома, клянусь Морриганом! Посмотрим, с кем я буду иметь дело. - Он огляделся кругом. - А пока, - негромко пробормотал он, - мы действовали почти так же беззвучно, как табун лошадей!

И босой киммериец обошел лужи крови и четыре трупа, отправляясь на поиски амулета

под названием Глаз Эрлика. В мозгу у него застряла как вопрос фраза Аджиндары "...изящный маленький клинок, что ты ищешь...". Бессмыслица. Что бы это ни значило и какую бы форму ни принял этот Глаз, он достанется ему и будет дорогим призом; ведь сегодня ночью он стоил жизни одному хорошему человеку и трем... другим.

Глава 3

В ЗЕЛЕНОЙ КОМНАТЕ

Следя тем же путем, каким шел покойный Аджиндар, Конан из Киммерии добрался до конца коридора и очутился перед дверью. На ней не было никакого замка вроде того, что привел к смерти иранистанца, но тем не менее киммериец держался настороженно. Прежде чем потянуть ручку кверху и открыть дверь, пнув в нее пяткой, он потыкал мечом дверную ручку и филенку вокруг нее. Меч он по-прежнему держал в руке, так и не вытерев.

Открывшаяся перед ним комната выглядела необыкновенно просторной. Ее пол был вымощен зеленой кафельной мозаикой, похожей на листья, опавшие с деревьев до срока. К бледно-зеленым стенам пристали темные гобелены. С потолка, поддерживаемого колоннами из пронизанного зелеными жилками порфира, оживляемого мерцанием кристаллов полевого шпата, свисали до самого пола бархатные занавеси. Цветом они походили на кедры, за исключением одного в углу, красного, как вино.

В центре помещения вытянулся длинный низкий стол, которому служила столешницей каменная плита. На той плите стояло на первый взгляд беспорядочное скопище внушительных плавильных тиглей и инкрустированных рунами возгонных сосудов алуделей, слепленных из охровой глины; выглядевшее золотым кадило и перегонные кубы, которым придавали отвратный цвет содержащиеся в них явно ядовитые жидкости. Небольшая квадратная шкатулка из укрепленного бронзой кристалла была разбита на тысячу осколков, которые блиствали и сверкали при свете свисавшего с потолка тройного светильника, сработанного в форме гениталий.

У стены стоял агенор, черный и тусклый, словно угрожающий железный карлик. Конан увидел, что в комнате есть окно, занавешенное тяжелой шторой цвета сосновых игл.

А кругом смутно вырисовывались странные и пугающие статуи из черного, как ночь, оникса, порфира и поблескивающего слюдой базальта. Даже антропоморфные истуканы изображали не совсем людей. Они составляли компанию мумии отталкивающего темно-коричневого от древности цвета. Благодаря подпоркам они стояли прямо, сурово и угрожающе. На длинном столе горели две гноящиеся на вид свечи, и испускали они такую же вонь, как сало, из которого их сделали обитатели гробниц.

Здесь была отнюдь не святая святых храма богов. Здесь были владения и сокровищница колдуна-чародея и его темных богов.

И здесь находились два человека.

Они были здесь чужими. Оба меднокожие, черноволосые и черноглазые. Мужчина в темно-красной тунике поверх черной рубашки с длинными рукавами и исчезавших в мягких черных сапогах черных штанах - неярком одеянии ночного вора, более осторожного, чем уставившийся на него варвар.

Рубашка женщины тоже была черной, а туника - темно-зеленой, с алоей каймой. Она, как и Конан, пришла босиком. С пронзивших ей мочки ушей крошечных колечек свисали огромные кольца из серебряной проволоки, а глаза с затемненными веками поблескивали над прямым носом и красными, как киноварь, губами. А на парчовом поясе у нее красовалась агатовая пряжка.

В правой руке она держала молоток с завернутой в тряпку головкой, а на левой у нее покачивался на темляке - золотой цепочке - крошечный золотистый меч. Кулон или же амулет.

Изыщный маленький клинок, что ты ищешь...

- Борода Эрлика! - ахнула она. - Так это и есть один из его охранников? Он достаточно рослый, чтобы охотиться на медведя вооруженным одним лишь щипом!

Конан взял меч поудобнее. Их взгляды устремились к окровавленному клинку.

- Это трехфутовый щип, Испарана. Мне неохота снова пускать его в ход сегодня ночью. Кром, что же это за дом такой, где полно ворья! Ты просто брось сюда эту побрякушку по полу, и я не сдвинусь с места, пока вы не уйдете. Лучше сматывайтесь в Замору сегодня же ночью. - Он не мог удержаться от стремления пощеголять своим знанием. - Скажите своему хану, что у меня есть для его амулета другой покупатель... и пока я решаю, принять ли мне его предложение или, несомненно, более щедрое ханское, ему лучше убить Балада. Просто на всякий случай.

- Ты очень много знаешь, голубоглазый, - сказал мужчина. Он обнажил меч и чуть согнул колени. - Достаточно, чтобы понимать, что мы не можем отдать тебе эту... побрякушку.

Киммериец вздохнул:

- Я с тобой не ссорился, Карамек. Неужели здесь нынче конца не будет убийствам?

Мужчине было на вид лет тридцать, женщине лет на пять меньше. Она была хорошо сложена и выглядела смазливо.

- Во имя Эрлика, - прошептала она. - Ты убил Хизарра Зула?

- Нет. Всего лишь трех его охранников... и еще одного вора.

- Явившегося за Глазом?

- А это уж не ваша забота, - ответил Конан.

Согнув локоть, подняв и приготовив к бою меч, он вошел в помещение. Он протянул левую руку вперед, хотя и недалеко, прижимая локоть к боку. В конце концов, Карамек ведь обнажил-таки меч.

- Ты просто кинь сюда амулет.

Девушка стиснула его еще крепче.

- Карамек...

- Тихо, Испа. Отступай к двери. Убегай. Если через час меня не будет у ворот - уезжай из города!

- Карамек... - Она держалась неуверенно, хотя и начала отступать. Приз покачивался на цепочке в ее крепко сжатом кулаке.

Конан бросился в атаку.

Карамек прыгнул, препрятывая ему путь, полусогнув колени, с искаженным лицом. Конан мчался вперед, не обращая внимания. Карамек рубанул. От этого сильного, с оттягом удара киммерийца спасло только то, что он резко метнулся в сторону. Испарана повернулась и побежала. Она проскочила через открытую дверь в противоположном углу помещения. Не целясь махнув мечом в сторону Карамека, Конан побежал следом за ней. Он добрался до двери, как раз когда та захлопнулась с двойным стуком. Выбор у него остался только один: круто развернуться или быть убитым в спину.

Он развернулся как раз вовремя, чтобы парировать удар Карамека.

Инерция разгона и сила удара позволили замбулийцу прорваться мимо Конана. Упервшись для равновесия ладонью в стену, Конан выбросил ногу вперед. Замбулиец

споткнулся и врезался в стену. Гобелен из бархата кровавого цвета сорвался со стены и упал, накрыв его. Конан ткнул мечом в этот движущийся ком трижды, и его клинок снова окрасился алым, с него опять закапала кровь.

Падающий Карамек окончательно снянул гобелен со стены. Из-под темного бархата стала сочиться ярко-красная жидкость.

Киммериец уже пытался открыть массивную дверь, через которую убежала Испарана. Та оказалась запертой. Прорычав ругательство, он врезался в нее плечом. И по тому, как дверь подалась назад, лишь чуть уступив его натиску, он понял, что ее заперли на крепкий засов.

С уст киммерийца сорвалось ругательство, и он повернулся, пробежал через зеленую комнату к единственному узкому окну. Она думала, что, закрыв дверь, скрылась от него, да? Будь он проклят, если не сможет...

Участок пола выскользнул у него из-под ног, и, прямой как палка, Конан свалился на поверхность трёх футами ниже. Тот факт, что этим объяснилась видимая толщина пола второго этажа, не представлял для крякнувшего от досады киммерийца ни малейшего интереса. Дверца западни сомкнулась на его бедрах - и держала крепко.

Даже вырываясь, Конан знал, что Испарана уже сбежала вместе с Глазом. И казалось маловероятным, что он вовремя окажется там, чтобы найти ее дожидающейся у городских ворот. Он не мог освободиться. Все его попытки вырваться на волю путем рывков, ворчания и, наконец, отковыривания захлопнувшейся панели привели только к кровавым ссадинам у него на бедрах. Они вызвали новый поток ругательств.

Конан попался в превосходно придуманную западню, расставленную для поимки любого вора, залезшего в окно, через которое киммериец собирался вылезти. Взывая к именам всех богов, каких он мог вспомнить, Конан прорычал литанию сплошь из проклятий и ругательств.

Конан оставался в западне, как ему казалось, много часов. И все это время он с равным рвением проклинал и себя, и Хизарра Зула, и двух замбулийцев.

А затем в комнату вошел человек. Он осмотрел столы и, подойдя к киммерийцу, остановился, пристально глядя на него.

- Клянусь Хануманом, гляди-ка, что я поймал, - в моем капканчике волк величиной с медведя!

Конан молча прожег взглядом незнакомца. "Так он клянется Хануманом Проклятым из Замбулы, да? Ну, ты только подойди поближе, старый пес, и даже мой меч без остряя..."

Но нет, этого не дождешься. Если Конан убьет этого человека, то может так никогда и не вырваться отсюда. Перспектива остаться здесь, в оковах, зажавших ему бедра, сходя с ума от голода и жажды, и в конце концов умереть с почерневшим языком... нет. Конан с радостью протянул бы меч рукоятью вперед и рискнул бы выйти на бой безоружным, но со свободными ногами.

Глаза вошедшего буравили его, глаза бездонные и темные, как провалы между тусклыми огоньками далеких звезд.

Длинная туника из аксамита цвета охры прикрывала Хизарра Зула до голеней. Грудь его украшал вышитый золотой нитью орнамент в виде завитков с вделанными то тут, то там опалами и какими-то блестящими камнями тепло-шафранового цвета. На ногах он носил сандалии без ремешков, на руке золотой браслет с множеством дырочек, а на пальцах у него сверкало пять колец, из них четыре - с разноцветными камнями.

Сам Хизарр Зул был человеком узкоплечим и узкобедрым, и лишь зарождающееся брюшко слегка округляло завесу, образованную его облегающей неподпоясанной туникой. Его большие, темные, чуть навыкате глаза смотрели пристально и требовательно. Над широким высоким лбом разбегались от центральной точки, словно вывернутый наконечник копья, похожие на сверкающий уголь волны черных с проседью волос.

Сложив руки за спиной, Хизарр Зул прохаживался перед попавшим в западню гостем.

Кожа у колдуна была на вид гладкой, с янтарным отливом, словно глянцевая. Возраст его невозможно было определить, но за сорок ему перевалило. Маленькие аккуратные усики, казалось, вырастали прямо из ноздрей. Их подровняли с боков так, чтобы они образовали от верхней губы до носа плоский треугольник. Борода у него тоже имела геометрическую форму, хотя и округлую, и напоминала нацеленное вниз черное копье с толстым древком.

Эти слегка выпученные глаза уставились на Конана. Сзади же у Хизарра Зула выбивался один-другой непослушный завиток волос. А говорил колдун усыпляющим баритоном:

- Так. Значит, ты убил моих охранников и моих красавиц змей, после того как они прикончили твоего напарника.

- Я пришел сам по себе. Так же, как и тот иранистанец.

- Ах, значит, сегодня ночью к Хизарру Зулу явилось много гостей, да? А где же амулет?

- На пути в Замбулу, в руках женщины.

- Третьего вора! - Брови Хизарра Зула поднялись так, что его темные глаза выпучились еще больше. - И именно она всех вас обманула?

- Четвертого, - поправил Конан. - Вот лежит еще один - ее напарник.

- Хануманова... голова, - выдохнул кудесник на нисходящей ноте. Он проследовал взглядом в сторону, куда кивнул Конан, и подошел к накрытому бархатом трупу. На лице у него появилось выражение немалого отвращения, но он присел на корточки и стал распутывать ткань, пока не обнажил застывшее в предсмертной муке лицо Карамека.

- Он из Замбулы?

- Да.

- Хмм. - Хизарр поднялся и перевел взгляд на Конана, подняв руку и поигрывая с бородой. - Вы с иранистанцем убили охранников. А потом подрались между собой?

- Да.

- И ты его завалил. А я-то гадал, как же этот дурак ухитрился быть ужаленным в лицо и шею. Значит, его смерть тоже на твоем счету. Равно как и этого. И, не попади ты в мою ловушку в саду, несомненно, лежал бы и третий труп, женский.

Конан ничего не сказал.

- Хмм. Молодой человек, юноша, но рослый и безжалостный. Человек большой силы, юноша он или нет!

Они молча глядели друг на друга. Оценивающе. Изучающе. Один, казалось, обладал безграничным терпением, другому же приходилось его проявлять.

- Северянин... Ты обошелся мне недешево, но эта замбулийка обходится еще дороже. Теперь ты должен быть моим слугой. И как таковой, и за определенное вознаграждение... начиная с приведения мной в действие освобождающего тебя механизма... Ты отправишься следом за ней и вернешь мне Глаз Эрлика.

Конан готов был пообещать все что угодно, лишь бы его выпустили из этого особняка и не выдали городской страже.

- Да, Хизарр Зул, - согласился он. - Я послужу тебе. С радостью догоню эту замбулийку,

если мне щедро заплатят.

- Мгм, - хмыкнул Хизарр Зул, задумчиво изучая его. А затем обошел Конана, подойдя к более длинному столу. - Конечно, каждая секунда нашей задержки дает ей большую фору, не так ли? У нее наверняка должен быть быстрый конь или верблюд.

- Наверняка, господин Зул. Мы должны поторопиться - и мне понадобится скакун побыстрее. "Вполне возможно, мне понадобится проскакать сто или двести лиг, чтобы только нагнать ее, - подумал киммериец. - А после этого с амулетом и твоим быстрым конем я смогу отправиться дальше - в Замбулу, в гости к щедрому хану!"

Улыбаясь и снова пустившись расхаживать, сложив руки за спиной, Хизарр Зул вернулся и остановился перед Конаном. А затем, улыбаясь, нагнулся вперед, показав, что держит в одной руке тонкую медную трубку. Медленно поднес он ее ко рту... И выдул в лицо киммерийцу мелкую желтую пыль. А затем поспешил отступить.

Через несколько секунд Конан рухнул, неспособный дышать.

На сей раз Конан из Киммерии очнулся таким же, как цивилизованные люди, сонным и отупелым. И он к тому же чувствовал себя встревоженным, болезненным, пустым. Тот факт, что физически он был цел и невредим, никак не умерял его беспокойства и ощущения болезненности, пустоты. Он не заметил, что у него больше нет меча. Им овладело необъяснимое и несомненное чувство потери и печали.

- Скажи мне, как тебя зовут.

Конан глянул в темные пристальные глаза Хизарра Зула.

- Я Конан, - тихо произнес он. - Киммериец.

- Итак, Конан из холодной Киммерии. Ты только что познакомился с силой порошка черного лотоса, великолепного и полезного цветка из джунглей далекого желтого Кхитая.

- Я знаю о нем. Это смерть. Почему же я жив?

- Паралич наступает почти мгновенно, Конан из Киммерии. Смерть наступает через две минуты. Я снабдил тебя противоядием, изготовленным лично мной. Насколько мне известно, только я знаю, как противостоять порошку Желтой Смерти. Ты пролежал некоторое время без сознания, пока твой - очень сильный - организм не отринул яд. Тем не менее ты чувствуешь себя... не совсем нормальным, не так ли?

Конан не ответил.

Улыбаясь, Хизарр поставил ногу на край крепко державшей Конана панели. И нажал пальцем обутой в сандалию ноги. Панель тотчас же открылась, так вот просто. Конан застонал от щекочущей боли, вспыхнувшей у него в ногах. Кровь засохла у него на бедрах двумя горизонтальными линиями.

- Выбирайся, - приказал Хизарр.

Со сжавшимся от боли лицом Конан сел, уперся ладонями в пол и отодвинулся на ягодицах от ловчей ямы. Кудесник поднял ногу. Облицованная кафелем западня захлопнулась, скрыв яму. Даже глаза киммерийца не могли заметить никакой разницы в покрытии пола.

- Возможно, тебе понадобится растереть ноги, - сказал Хизарр, подходя к более высокому и длинному столу. - И, возможно, также понадобится заглянуть вот в это.

Он вернулся, держа перед сидящим на полу киммерийцем зеркало не длиннее ладони Конана, утолщенное тонким покрытием из стекла или кварца. Конан уставился на него.

- На кой ляд мне какое-то... зер... кало...

Вначале он увидел собственное лицо, как и ожидал. И почти сразу же его начали

заслонять меняющиеся узоры. Стекло, казалось, заволновалось, становясь жидким, так что Конан моргнул, а потом не мог оторвать от него взгляда. Он уставился на крошечного человечка, пойманного и испуганного, стремящегося убежать из зеркала, казалось, умоляюще глядящего на него из стеклянной темницы.

Конан вытаращил глаза. Под мышками у него закололо. Он знал это лицо: он видел прежде лицо того крошечного человечка... оно принадлежало ему самому!

- Это, киммериец, твоя душа. Она теперь принадлежит мне. Сделай все, как я сказал, и я верну тебе ее, когда ты отдашь мне амулет под названием Глаз Эрлика. Попробуй предать меня, и я разобью зеркало. И...

Хизарр Зул всего-навсего слегка постучал по зеркалу. Конан почувствовал, как внутри у него все затрепетало. Он не знал и знать не хотел, воображаемое ли оно или вызвано постукиванием длинных пальцев по контейнеру с его... душой.

- Не двигайся. Если оно разобьется, - предупредил Хизарр, - то твоя душа пропала навеки. И никто, кроме меня, не сможет удалить ее из этого зеркала. Ты хочешь вечно таскать с собой свою душу, как багаж, Конан из Киммерии, всегда опасаясь, как бы кто-нибудь не разбил зеркала и...

Конан задрожал. А затем пришло откровение.

- Те охранники! Чтоб тебе!..

Явно признанный теперь колдуном, ехидно улыбающийся Хизарр Зул выпрямился. Взгляд Конана остался прикованным к хрупкому кусочку стекла в длинных тонких руках с янтарным отливом.

- Да, Конан. Теперь ты знаешь мою тайну. Убитые тобой стражи были лишены душ. Они тоже явились сюда ночью. Я забрал их души и разбил их зеркала! То, что осталось, служило мне лучше. - Хизарр вернулся к столу, где он занимался некроманией. Голубые глаза киммерийца обеспокоено следили за чародеем, и, когда он положил зеркало, Конану сделалось чуть полегче. Но только чуть.

- Или так я, во всяком случае, думал, - сказал Хизарр, снова поворачиваясь к варвару. - До тех пор, пока не явился человек твоей силы и не одолел, их. Кто ж мог предвидеть, что в одну ночь сюда явятся четыре вора? Харуман вас побери - всех четырех!.. Я предпочел бы не разбивать зеркало с твоей душой, киммериец. Зная, что оно здесь, ты будешь служить мне лучше, чем человеческий гомункулус, который лишь подчиняется без малейшего проблеска надежды, без постоянного стремления к свободе и воле.

Внутри у Конана нарастало ощущение пустоты. Он знал, что это означает.

Он стал бездушным, проклятым и обреченным и знал, что открыл наконец то, чего стоило бояться. И в самом деле, он не мог не испугаться перспективы навеки потерять свою душу, как и жизненную силу, которая составляла его основу, которая двигала им, делала его неповторимой личностью и которая будет вечно жить после его смерти.

Он знал, что в точности выполнит все, что прикажет это улыбающееся чудовище. Знал, что отыщет похищенный амулет, который мог на многие годы облегчить ему жизнь, если бы он смог оставить его себе. Но он не оставит его себе. Словно лакей, наймит, слуга могущественного коварного мага, он привезет амулет сюда, чтобы обменять у Хизарра Зула из Аренджуна на то, что стоило куда дороже.

"Кром, Имир и все боги, - подумал он, почти подавленный. - Моя душа!"

- Ты, конечно, согласен. А теперь опиши мне, что ты будешь искать.

- Такой... такой маленький меч, на золотой цепочке.

Хизарр смерил его взглядом, удобно прислонившись к длинному столу, опираясь на него руками.

- Бедный дурачок, ты действительно ничего не знаешь, не так ли? Хорошо. Вот его точное подобие. Еще день - и та замбулийская сучка сбежала бы с этой побрякушкой! Смотри внимательно, Конан. Знай, что Глаз Эрлика может завоевать царство... два царства! И, как тебе теперь известно, он достаточно важен, чтобы заинтересовать кое-кого в Иранистане, так же как этого скромного замбулийца из Туранской империи.

С улыбкой, ставшей теперь чисто издевательской, Хизарр Зул прижал руку к животу и поклонился. Выпрямившись, он снял амулет, висевший у него на шее на ремешке, под туникой, и вручил его киммерийцу.

- Точная копия, мой дорогой преданный слуга Конан. Глаз Эрлика.

Конан посмотрел на него, изучил его. Глаз Эрлика был мечеобразным кулоном длиной примерно с его мизинец. Рукоять заканчивалась рубиновым набалдашником. На обоих концах гарды-крестовины поблескивали крупные желтые камни, оба перечеркнутые единственной черной полосой.

- Надень его, - приказал Хизарр, уронив его на ладонь Конана. Возможно, ты найдешь ему применение. Конечно, его следовало бы назвать Мечом Эрлика или, на худой конец, Глазами во множественном числе, но миром, мой милый варвар, правит отнюдь не логика. Итак, коль скоро ты окажешься в пустыне, первый оазис будет в двух днях пути на юг. Если ты последуешь торной тропой, то скачи примерно час на восток от Аренджуна, а потом поворачивай строго на юг и продолжай в том же духе. Та замбулийка последует этим путем.

- Ты знаешь это?

- Знаю, мой милый слуга Конан. Но тебе не нужно знать, откуда у меня такая уверенность. Я Хизарр Зул, и у меня есть свои способы узнавать новости. С тех пор как я нашел тебя здесь, прошло четыре часа. Ты просто следуй этим путем. Ты отдохнул, и ты рослый и сильный. Ты должен каждый час нагонять ее на несколько минут. Ступай.

- Мой меч... у меня нет коня...

- Ты вор, и где-то у тебя припрятаны монеты. Мертвый иранистанец мне ни к чему - возьми его имущество. Приобрести коня. Я бы также предложил взять халат и куфию. Меч твой стоит у задней двери. Он потерял остриё, но годится для боя. С такими-то ручищами ты разрубишь надвое кого угодно!

Только сейчас Конан увидел, что пояс его пропал вместе с кинжалом в ножнах и ножнами меча. То, что он не заметил этого сразу, говорило, какой эффект произвели на него желтый порошок и его противоядие и какой ужас он испытал, потеряв душу.

Киммериец надеялся, что его сумка окажется там, где он ее оставил. Он не знал, сколько времени пробыл в особняке Хизарра. Наверняка часов пять, и значит, на четыре часа дольше, чем собирался. Хизарр же все пялился на него и говорил, втолковывая Конану, как добраться до задней двери особняка. Через эту дверь он и выйдет... не как гость и даже не как вор, а как слуга.

Конан с тоской взглянул на зеркало и подумал о внезапном нападении.

- Только я могу извлечь из этого зеркала твою душу, варвар, предостерег, отступая на шаг, Хизарр. - Оно будет в безопасности у меня в течение... ну, скажем, месяца.

- Замбула дальше чем в одном месяце пути!

- Значит, постарайся догнать воровку раньше! Хочешь, чтобы тебя вывели отсюда? Эй, слуги!

Взгляд Конана проследовал в указанном Хизарром направлении. В помещение вошли и встали у двери еще двое охранников в мундирах. Оба с мечами наголо. Они оба уставились перед собой равнодушным взглядом. По спине Конана, казалось, пробежала тысяча муравьев. Когда он посмотрел на этих двоих бывших воров...

"Лишенные душ", - подумал он, ненавидя Хизарра Зула за то, что тот видел, как он содрогнулся.

Конан двинулся к двери, пытаясь вновь, по своему обыкновению, расправить широкие плечи и зашагать привычной уверенной пружинистой походкой вразвалочку.

- Я задержусь возле иранистанца, - предупредил он.

Труп выглядел страшно. Существо некогда было человеком, а теперь сделалось пурпурным и раздулось, словно стручок гороха, готовый вот-вот лопнуть.

- Я не стану раздевать тебя, друг, - прошептал Конан. - Но ты можешь чуточку подсобить мне.

Он спокойно присвоил принадлежавший иранистанцу пояс с оружием. На нем висели ножны для кинжала, ильбарсийский нож длиной с меч и сумка. Конан застегнул пояс, надеясь, что сумка набита монетами. Подобрав длинный клинок с гор Ильбарса, он убрал его в ножны у себя на боку.

- Покажите мне выход отсюда.

Двое безмолвных охранников сделали, как он сказал. Его собственное оружие и пояс оказались у дверей вместе со смотанной веревкой. Конан застегнул свой широкий пояс поверх пояса Аджиндана. Один из лишенных души распахнул перед ним дверь в ночь, еще не освещенную преддверием зари.

- У вас нет души, - обратился к охранникам киммериец, останавливаясь в дверях. - Вы и дальше будете служить похитившему ее? Или хотите принять дар в виде смерти?

И тут Конан в первый раз услышал речь одного из охранников Хизарра Зула.

- Жить без души - это все равно что быть мертвым, пребывая в живых. А умереть без души - и того хуже. - И бывший человек закрыл дверь, чуть не стукнув ею Конана по пяткам.

Киммериец ушел. Голос, провозгласивший эти страшные безнадежные слова, был голосом Хизарра Зула.

Глава 4

В ОАЗИСЕ СМЕРТИ

В оазисе, который и в самом деле находился в двух днях пути от Аренджуна, Конан улегся на спину и уставил невидящим взором на небо, усеянное звездами, словно миллионом мерцающих самоцветов или миллионом пристально глядящих глаз. Неподалеку отдыхал его конь. А в нескольких ярдах от него пофыркивал конь какого-то путника, наведавшегося в этот оазис.

"Лишиться души!" - подумал Конан. Всем сердцем ненавидел он коварного Хизарра Зула.

Но имела ли душа значение? Конан желал бы быть уверененным. Мрачный Повелитель Горы, почитаемый в Киммерии главным богом, был божеством диким и угрюмым. Он не обещал никакой жизни после этой. При рождении он вдыхал души в тела людей. "Чего ж еще, - говорил отец Конана, - можно просить у богов?" Ну, другие люди в других странах много чего еще просили и во много чего еще верили. Если б только Конан мог быть уверен. Если эта жизнь была всем, что у него есть, то душа ничего бы не значила.

И, однако... Какое-то чувство пустоты появилось у киммерийца, и он знал, что оно

останется, пока Конан не получит обратно от Хизарра Зула содержимое того зеркальца. Пусть кто-нибудь другой говорит, что это всего лишь внушение и глаза Хизарра. Конан-то знал, что это ощущение отравляло его, как только он очнулся, до того, как маг показал ему зеркало и объяснил, что в нем заключено.

Два дня спустя Конан все еще проклинал кудесника, ставшего в самом буквальном смысле хозяином его души.

Время от времени он также клял и себя. Ему следовало вести себя благоразумней во многих отношениях, и последний его неблагоразумный поступок заключался в том, что ему следовало-таки раздеть труп Аджиндана из Иранистана. Так полагалось делать победителю в бою. Рубашка с рукавами и шаровары позволили бы Конану сэкономить немало монет. Он мог потратить их на провизию.

И все же он ехал на самом лучшем коне, какого мог себе позволить, носил самую дешевую, но приличную одежду и оставил себе только собственный меч с обломанным острием.

Его деньги, так же как содержимое сумки Аджиндана и превосходный ильбарсийский клинок вора, позволили Конану приодеться и купить скучный провиант; пояс Аджиндана и превосходный кинжал должны были снабдить искателя приключений пищей для путешествия, которое могло продлиться не один день. (О том, чтобы оно продлилось дольше двух недель, не приходилось и думать. Конан должен был вернуться в Аренджун в течение месяца.)

Таким образом, он покинул Аренджун на хорошем коне, с неважным вооружением и почти без продовольствия, для того чтобы день за днем ехать в жару по пустыне под солнцем, превратившимся в смертельного врага.

В полдень второго дня пути конь - которого Конан называл Конь - стал слабеть из-за отсутствия воды. Уверенный, что доберется до оазиса, его новый хозяин не взял с собой больших запасов. Когда надо, человек может вынести многое, киммериец знал об этом, и Конь тоже. А затем в поле зрения показался оазис, и Конь почуял сладостное дыхание надушенного водой воздуха. Конану требовалось лишь сидеть откинувшись в седле. Конь сам знал, куда ехать.

Конь прискакал в оазис, и теперь Конану требовалось лишь сдерживать животное, не давая ему слишком быстро выпить слишком много воды, иначе у Коня раздулся бы живот.

За эти два дня у Конана нашлось много времени для размышлений. "Воровство - ремесло рискованное", - размышлял он. То же относилось и ко многим другим занятиям, но воровство таило даже больше риска. Теперь, повстречав Испарану, Карамека и Аджиндана, он знал, что у других воров, хороших воров, так же как и у него, имелись покровители. По той или иной причине они крали различные вещи для других. Им за это платили, и, надо полагать, снаряжали, и давали некоторую защиту или поддержку в случае, если они попадали в руки закона. Теперь-то киммериец знал, что даже цари нанимали воров.

Такой способ очень удобен для человека, желающего добиться успехов в избранной им карьере!

Молодой горец мог мечтать о короне и податливой женщине, но он вряд ли когда-нибудь наденет первую и проведет ночь со второй.

Как только эта отвратная бесприбыльная работа будет завершена, он вернет себе душу, похищенную этим подлым Хизарром, и попытается улучшить свое положение: постараётся привлечь к себе внимание достойных нанимателей.

А пока они с Конем по крайней мере напились, а утром он уедет отсюда с новым запасом воды. Путешествовать вообще-то лучше ночью в прохладе, но Конь сильно нуждался в отдыхе.

Различные мысли продолжали тесниться в голове Конана, пока он лежал, ворочаясь и дожинаясь, когда его сморит сон в этом безымянном оазисе, который некоторые называли Дыханием Аренджуна, а другие - Зрением Хердпуря. Название зависело от того, куда ехал путешественник. Лежал он, укрывшись старым плащом, украденным три ночи назад. Ночи в пустыне были прохладными. Поблизости спал стоя страноженный Конь.

На противоположной стороне окруженного кольцом жесткой травы и тенистыми пальмами водоема с хорошей водой расположились люди, которых Конан застал здесь по прибытии. Троє путников почти не разговаривали друг с другом.

Двое отсыпались, готовясь ночью отправиться в путь верхом на своих верблюдах и красивом коне с яшмовой шкурой. Стремившийся к разговорам ничуть не больше их, Конан заставил своего коня отъехать к южному берегу водоема, прежде чем позволил ему напиться.

Киммериец же утолил жажду, распростервшись на берегу рядом с шумно втягивающим воду Конем. С другой стороны водоема за ним наблюдал один из путников. "От нечего делать наблюдает", - предположил Конан. Он поднялся, убрал под тунику выпавший поддельный Глаз Эрлика и принял убеждать Коня прекратить попытки досуха высосать водоем. Другой путник, темноволосый и с гирканским ястребиным носом под белой куфией, отвернулся. Он даже не взглянул, когда Конан счел необходимым силой оттащить Коня от воды. То, что юнец в драном плаще сумел это сделать, несомненно, удивило бы путешественника, наблюдавшего он за Конаном. Уж Коня-то определенно удивила сила его хозяина.

- На рассвете мы снова наполним желудки, Водохлеб, - пообещал Конан животному, которое теперь получило имя.

Потом конь уснул, в то время как его скаредный хозяин пытался утихомирить бурную деятельность своего беспокойного ума. Он праздно гадал, почему двое других еще не отбыли своей дорогой.

Усни киммериец сразу же, он мог так никогда и не проснуться. Безымянному оазису, называемому то Зрением Хердпуря, то Дыханием Аренджуна, предстояло стать Оазисом Смерти.

Хотя Конан и не знал этого. Да если бы и знал, его бы это все равно не заинтересовало. Но те двое, вместе с кем он воспользовался удобствами оазиса, ехали из Самарры, что в туманных горах на юго-востоке. Они направлялись в столицу Заморы Шадизар продавать самые разнообразные товары, приобретенные не путем торговли. Наверно, в следующий раз они смогут позволить себе взять четыре или даже пять верблюдов...

Один из них, Ускуда, уже не раз бывал в Замбуле с караванами из страны колхов. Он видел амулет сатрапа, правившего от имени Турана Замбулой. Он считал его ценной вещью, ведь его носил все-таки царек. И как раз сегодня вечером он снова увидел этот амулет - или так, во всяком случае, он подумал. Царский амулет наверняка удвоит его с напарником прибыли там, в Шадизаре Порочном.

А юноша явно устал. Ускуда прождал целый час.

Теперь, пробравшись мимо спящего коня Конана, Ускуда-самаррянин обошел водоем. Припав к земле, он выхватил кинжал, только когда его отделяло от лежащего навзничь, накрытого плащом северянина не больше трех саженей.

С кинжалом в руке Ускуда выпрямился, зашуршав одеждой, и стремительно метнулся

вперед, чтобы рухнуть на спящего, выставив перед собой кинжал.

Первым предупредил Конана о подкрадывающемся к нему человеке совсем не этот шорох. Он не мог представить, что кто-то захочет его ограбить, но всегда был столь же недоверчивым и привыкшим к низменным поступкам, сколь и бдительным. Лежа неподвижно, он уже несколько минут медленно вытягивал руку к рукояти меча. А в то же время его левая рука скользнула по груди к противоположному правому верхнему краю выгоревшей красно-коричневой мантии, прикрывавшей ножны.

Хотя скрежет вынимаемого из ножен кинжала Ускуды услышать и впрямь могли немногие человеческие уши, Конан его услышал. А потом зашуршала ткань...

Левая рука Конана рывком откинула плащ, в то время как правая подняла меч. В то же время мускулы его живота напряглись, обретя каменную твердость, а верхняя половина тела приподнялась с земли.

Его вытянутый меч встретил напавшего между пупком и пахом.

Сила удара опрокинула Конана обратно на землю. Она также с шипением выдавила весь воздух из легких Ускуды. Однако меч без острия не пронзил грабителя. Возможно, он разодрал объемистую одежду, а возможно, и нет. Это не имело значения.

Железные мускулы правой руки Конана напряглись и вздулись. Он не только не дал противнику упасть на него, но и отшвырнул его в сторону, вправо от себя. Только тогда Конан вспомнил, что попытался проткнуть человека мечом, больше не годившимся для такой работы.

Через три секунды Конан уже стоял на ногах. Нападавший откатился, хватая ртом воздух. Хотя Ускуда шумно пытался вдохнуть и испытывал сильную боль внизу живота, он тоже поднялся на ноги. И когда он поднялся, поднятым оказался и его меч. Кинжал он выронил.

Киммериец бросился на него и с силой нанес удар, полный праведного гнева. Ускуда увернулся, рубанув в то же время Конана по бедрам. Оба клинка рассекли только воздух, и Конан понял, что перед ним опытный воин. Противники, слегка пригнувшись, словно готовые к прыжку тигры, повернулись лицом друг к другу, оскалив зубы и слегка поводя мечами.

Ускуда сделал ложный короткий выпад. Конан вывернулся в сторону и, совершив полный поворот кругом, со свистом рубанул противника по шее. Ускуда присел, нырнув под этот удар наемного убийцы, и рубанул по ногам Конана. Высоко подпрыгнув, Конан накренился и метнулся мимо Ускуды, который повернулся, пригнувшись. Теперь-то вор знал, что столкнулся со смертельным врагом.

- Я извиняюсь, - заявил выходец из Самарры. - Я принял тебя за кого-то другого!

И пока киммериец остановился, обдумывая это заявление, Ускуда рискнул, сделав длинный выпад, который должен был залить гениталии варвара кровью из его рассеченных внутренностей.

Но не вышло. С лязгом, который в тишине пустынной ночи прозвучал как удар огромного гонга, он отбил колющий клинок. Удар этот получился таким сильным, что правую руку Ускуды вынесло далеко вправо, почти горизонтально от плеча.

Лязгающее столкновение с клинком противника не замедлило удар меча Конана. Киммериец был к тому же и быстрее, и сильнее. И потому оправился первым. Его меч глубоко рассек правое бедро Ускуды, как раз у колена. Из уст несостоявшегося убийцы вырвался страшный звук: то ли стон, то ли крик.

Даже с раненой ногой Ускуда попытался нанести удар мечом. Но ноги его подкосились прежде, чем рука успела совершить движение.

Рука же Конана почти не замедлилась. Его меч мелькнул, сверкнув серебром при лунном свете. Когда он вырвал меч из ноги противника, тот прочертил в воздухе кровавые линии алыми штрихами и каплями. Киммериец добавил инерции и, снова совершив полный круг, на этот раз почти начисто перерубил левую руку Ускуды у самого плеча.

Ускуда упал. Он получил две глубокие раны и мог зажимать их только одной рукой. Но он их не зажимал. Теперь, когда он почувствовал, что смерть ближе, чем рассвет, он думал только о мести, если вообще думал. Извиваясь на песке, он ударили Конана по голеням. Удар вышел слабым; Конан подпрыгнул; лезвие меча ободрало подошву его правой сандалии. А затем нога Конана опустилась ему на запястье. Хрустнули кости, и меч выпал из парализованных пальцев, а клинок Конана рубанул Ускуду по подбородку и шее.

Киммериец крутанул свой меч без острия, высвобождая его из тела того, кому жить в этом мире оставалось меньше минуты. Руки турецкого Эрлика потянулись за еще одним гостем в его владениях смерти.

Несколько мгновений киммериец стоял, глядя на погибшего убийцу, размышляя о различиях между честными ворами, такими, как он, и идиотами вроде этого придурка, пытавшегося вначале убить, а уж потом посмотреть, какая может найтись добыча. А затем Конан резко обернулся.

- Ты, ты убил Ускуду!

- Верно, через несколько минут он умрет, - спокойно отозвался Конан. Твой напарник попытался заколоть меня спящего. А я не спал.

Второй путешественник не понял, что не стоит мстить за напарника, который получил именно то, чего заслуживал. И атаковал. Конан ударил по его кривому мечу и с такой силой пнул напавшего, что тот отлетел на несколько шагов и упал в водоем. Он вынужден был бросить меч, чтобы не утонуть.

Опустив собственный клинок, Конан вошел в воду. Чтобы не загрязнять воду, Конан сначала вытащил молотящего руками и отплевывающегося путника на берег, а потом перерезал ему горло.

В ночи снова воцарилась тишина, нарушающая только нервным всхрапыванием лошадей. Более мудрые верблюды остались на коленях посреди своих пастбищ и лишь со слабым интересом посмотрели в сторону Конана. И при этом ни на миг не переставали жевать.

Конан вышел из боя победителем, и добыча досталась ему.

Глава 5

ДРАКОНЫ ХОЛМЫ

Перед рассветом Конан отправился на юг верхом на хорошо отдохнувшем коне одного из тех, кто пытался убить его. Позади него тащился Водохлеб, привязанный за недоузок, сделанный из волос мертвых женщин. А нового скакуна Конан теперь называл Конем.

Киммериец принарядился в красивый жилет из выделанной кожи, намного лучший плащ и куфию с хризобериллом в двойной ленте из сплетенных черных конских волос и сапоги, куда, к счастью, не натекла кровь их бывшего владельца. На левом боку у Конана висели кривой восточный меч и два кинжала; его собственный меч висел в шагреневых ножнах на луке седла.

Юноша поел и пребывал в хорошем настроении. Водохлеб временно стал выручным животным, хотя через несколько часов его в свою очередь сменит Конь. Водохлеб также вез

три бурдюка с водой и выюк, содержащий кое-что из сокровищ Ускуды и его покойного помощника.

Верблюды оказались непокорными, а Конан - совершенно никчемным погонщиком. Крепко поругав и попинав их, он оставил высокомерных животных, по-прежнему не перестававших жевать, и поклялся завладеть ими на обратном пути в Аренджун. Выглядело это наивно, но Конан, как и все разумные люди, надеялся и мечтал.

Весь день он упорно гнал коней на юг. В сумерках он отдохнул часок и сменил лошадей, поменяв местами седло с выюками.

Он продолжал ехать ночью, предоставив Водохлебу двигаться тем аллюром, каким тот желал. Северянин почти не заметил, как пересек Дорогу Царей, по которой он в один прекрасный день проедет как завоеватель. Встреченный им караван указал ему путь к колодцу, где он и его лошади задержались, чтобы напиться. Наполнив вначале накрытый кожей глиняный кувшин, которым черпали воду, Конан заставил коней скакать еще час. И только тогда он остановил своих усталых животных.

И, сам шатаясь от усталости, Конан тем не менее не забыл привязать своих коней. Все трое уснули, не обращая внимания на восходящее солнце и негостеприимную постель из камней и песка.

И через несколько минут после того, как он час спустя проснулся, киммериец снова отправился в путь.

Два коня, набитые выюки и живот взбодрили его, так же как и слова караванщика, с которым он поговорил: да, они встречали еще одного одинокого путешественника, едущего на юг.

- Женщину? Ну, тот путник и правда был каким-то тщедушным, хотя и грудастым... Клянусь всеми богами! Так вот в чем дело! Да... Женщина!

И караванщик выругался. Умная женщина, неумно путешествующая в одиночку, скрыв свой пол под свободной одеждой и плащом с капюшоном!

Теперь Конан был разумно уверен, что следует за Испараной из Замбулы.

Местность стала более пересеченной и сделалась сплошь каменистой и холмистой. Конан три часа приближался к холму, походившему на разлегшегося у него на пути огромного серого дракона. Не мог он больше гнать лошадей с такой скоростью. Выгадали они от этого мало - путь был нелегким.

Наконец он добрался до "дракона" - длинного гребня холмов, которые те, кто не из Киммерии, назвали бы горами.

Конан сел и мрачно уставился на дремлющего дракона из камня, начисто лишенного растительности, за исключением чахлого кедра, поднимающегося то тут, то там из камня к ненадежному насесту. Теперь он увидел, что должен пересечь ряд холмов, тянувшихся с востока на запад, идущих один за другим параллельными линиями. И гребень каждого холма выглядел словно спина роющего землю кабана. Пересекать этот барьера он будет не один час.

Но это было еще не все. На самой вершине самого дальнего холма, на расстоянии, наверное, полутора миль, но во многих часах трудной езды Конан увидел еще одного путешественника. Тот всадник как раз добрался до каменистой вершины холма. Ехавший на верблюде путник вел в поводу другого, который, как увидел Конан, был хорошо нагружен выюками с провизией. Высокие толстые горбы верблюдов говорили, что в воде они не нуждаются.

Даже в развевающейся одежде и серовато-коричневой джаллабии всадник казался

маленьким и узкоплечим.

Конан понял, что это женщина, и решил, что это Испарана.

Она была в поле зрения - и, наверное, в дне пути! Поскольку кони киммерийца устали и скоро их нужно будет поить, то ясно было, что юноша от воровки по меньшей мере в дне пути. Он сидел и ругался, поминая Крома и Лира, Бадба и Немайна Ядовитого, Маху и Мананнана. Пребывавшие далеко в горах Киммерии, они не обратили на него ни малейшего внимания.

И тут из-за огромного валуна, немногим меньше особняка Хизарра Зула, появился еще один всадник.

Этот, должно быть, повстречал Испарану где-то среди массы каменистых склонов холмов. Теперь он находился не более чем в пятидесяти футах от ее преследователя. Когда он погнал коня вперед, то поднял руку в мирном приветствии. Конан достаточно охотно ответил тем же. Он и его лошади слишком устали, чтобы драться или бежать.

Кроме того, вслед за первым всадником появился еще один и еще один. И еще... И еще... Всего их оказалось пятеро.

Все вооруженные, все в плащах одного цвета и островерхих шлемах. Шлемы и плащи были одинаковыми. Чертвы их лиц походили на гирканские, и Конан понял, что его взяли в клещи пятеро высоких смуглолицых туранских солдат. Из Замбулы?

- Достаточно жарко? - спросил, выступая вперед, первый.

Конан ненавидел эту фразу, которая, должно быть, звучала избито еще до того, как утонула Атлантида. Однако сами слова, равно как и голос и лицо смуглокожего, ободряли. Они были дружелюбными.

- Да, становится жарковато, - признался Конан. - Вы странные путешественники, как и я.

- Да, - усмехнулся гирканец, - во имя Тарима! Откуда ты взялся? Я никогда не видел людей с такими голубыми глазами.

- Я из Киммерии, - непринужденно ответил Конан. Этот малый был провинциалом, никогда не видевшим глаз иного цвета, чем карий! Приободренный Конан принялся бойко врать. - А недавно я покинул Шадизар. Вы ведь наверняка приехали не из самой Замбулы.

- Из Киммерии! - покачал головой воин. - Никогда не слыхивал о людях с такими глазами! Нет, мы из Самарры, и работка у нас самая худшая, какую только может взвалить на верных слуг черствый командир. Мы преследуем двух человек - как мы надеемся. Ты случайно не видел...

- Воров?

- Откуда ты знаешь?

Конан показал назад.

- Несколько дней назад в одном оазисе... - Тут он оборвал фразу, поняв, что никогда больше не увидит тех верблюдов. Проклятие! Эти южные и восточные боги просто сговорились против него!

Предводитель туранцев насторожился.

- Да?

Конан дернул головой и бросил на него горестный взгляд.

- О, я надеялся вернуться и забрать тех верблюдов, но, наверное, они все равно пропали - впереди вас шел длинный караван. Да, я видел их, если вы преследуете воров. Они были в оазисе, где я останавливался. Мои лошади и я нуждались и в воде, и в сне. А у тех двоих,

прибывших туда раньше меня, были верблюды. Я решил, что они пережидают дневную жару и отправятся в путь ночью. Стало темно. Я лег спать по другую сторону водоема...

- Хм. И?

- И один из них попытался убить меня во сне. К счастью, этот дурак споткнулся. Я пнул его так, что он полетел в водоем, выволок его на берег, и тут подбежал его спутник. Первому я перерезал горло...

- Очень мило с твоей стороны, что ты не испоганил воду.

- Я тоже об этом подумал. Его напарник бросился на меня с мечом. Мы схватились. Я оказался сильнее его.

- Они захватили тебя врасплох и ты убил их обоих?

- Врасплох меня захватил только один. - Конан выпрямился в седле, чтобы напомнить хмутившемуся гирканцу о своих размерах. - Я бы забрал и их верблюдов, но не смог заставить тварей следовать за собой. А так как я спешил, то оставил большую часть их выюков. - Он усмехнулся. - Я даже одного из них не смог заставить подняться на ноги!

Все пятеро солдат рассмеялись, но не презрительно: они знали характер верблюдов.

- Ты не умеешь обращаться с верблюдами, - заметил их вожак.

- Не умею. Думаю, мне и не хочется учиться.

- Верблюдам нравится думать, что они сопровождают тебя, что их не гонят и не ведут в поводу, - сказал один солдат.

- У тебя, кажется, есть лишний меч, - заметил другой.

- Только половина, - уточнил Конан и осторожно левой рукой обнажил собственный клинок из висящих на седле ножен. - Этот я сломал в бою. Тоже был хороший меч.

- Похоже на то. И вдобавок древний. Наверное, он стал хрупким. А тот, что у тебя на боку, принадлежит... принадлежал одному из тех, кого мы преследовали.

Конан кивнул.

- Надеюсь, вы служите не такому господину, который даст честному человеку уйти обезоруженным.

"Только попробуйте", - подумал он, в то же время надеясь, что воины не станут нападать на него.

Предводитель пожал плечами:

- Нет, нет, оставь его себе. Однако боюсь, что мы служим господину столь скверному, что нам придется обыскать выюки на твоей лошади.

Конан притворно вздохнул:

- Ах, а я стремлюсь догнать всадницу, которую вы только что встретили.

- Ту женщину? Не представляю себе почему. Недружелюбная сука!

- Это точно! - усмехнувшись, кивнул Конан. Мужчина среди мужчин, говорящий о женщине. - Она такая! Ее бывший господин там, в Шадизаре, не очень-то расстроился из-за ее исчезновения. Но он хочет вернуть несколько мелочей, которые она прихватила с собой. Вы заметили хорошо нагруженного выючного верблюда?

- Значит, она нам соврала, и как ты, так и мы гонимся за ворами! Ну, я сожалею, но нам все же придется обыскать твои выюки. Э... откуда, говоришь, ты приехал?

- Из Шадизара... Или из Киммерии.

- Киммерии. Где-то на севере?

Конан кивнул.

- Погодка там немного холодновата, хотя, признаюсь, сейчас-то я был бы ей очень рад. Я

отправился в более теплые края поискать счастья и нанялся телохранителем к одному богачу в Шадизаре. Если я сейчас не догоню Испарану, то вполне могу сделать это и после, а могу и вовсе не делать.

- Проверьте выюки, - приказал предводитель турецев, и двое его людей занялись этим. Он окинул Конана оценивающим взглядом. - В Самарре будут всегда рады человеку, который работал телохранителем и убивает двух человек, застигших его во сне врасплох. Конечно, если он захочет носить один из таких шлемов. - И коснулся своего шлема.

- Неужели северянина с моим выговором и голубыми глазами примут на службу в Туране?

Предводитель сделал утвердительный жест.

- Конечно. Люди, умеющие обращаться с оружием, везде найдут работу. Камбур вот, например, из Иранистана.

- Запомню, - пообещал Конан и дважды переспросил имя командира и попытался запомнить его лучше - Арсил из Самарры.

Пятнадцать минут спустя киммерийцу намекнули, что ожерелье, кубок и часть жемчуга должны перейти к солдатам. И кинжал с инкрустированной самоцветами рукоятью тоже.

- Они были заявлены как пропавшие, да притом человеком, обладающим богатством и властью, - сообщили ему. - Другие вещи в нашем списке не числятся, и на вора ты не похож. Должно быть, они твои. - И Арсил из Самарры подмигнул.

- Воистину, - поддержал его Конан. - Я считаю, что пять этих золотых монет принадлежат вашим воинам. Должно быть, вы обронили их.

- Хмм. Поскольку они самарийские, должно быть, ты прав. По одной на каждого, ребята. Было очень приятно иметь с тобой дело, киммериец.

- Я лишь признаю, что это добро не мое. Мой выюк стал полегче. А мне еще долго гнаться за Испараной. Неужели нет никакого пути в обход этих холмов или более быстрого пути через них, чем тот, каким следует она, пути, которым приехали вы?

Туранец мрачно нахмурился и покачал головой.

- Конан, такой путь есть. Он петляет, идя на подъем, сразу за тем прародителем всех валунов. Но тебе лучше не знать о нем и не следовать им.

Конан вопросительно посмотрел на воина, и тогда Арсил с неохотой продолжил объяснения.

- С вершины вот того первого горба видна лощина - ущелье, рассекающее насквозь остальные холмы. Оно сотни лет служило проходом через эти Драконы горы. И оно выглядит очень соблазнительно. Многие поддавались искушению. Но это ущелье полно призраков или населено... чем-то. За последние десять лет, когда в нем началось твориться неладное, из тех, кто вошел в ущелье, стремясь срезать путь через горы, вышло ровно двое. Оба выбрались оттуда израненными и обезумевшими. Их свели с ума демоны этого ущелья! Один что-то бормотал о нежити, прячущейся в песке, и теперь эту лощину называют Ущельем Песчаной Нежити. А кости всех других, заехавших в нее, лежат там... хотя их скакуны всегда спасаются. Не искушай судьбу, Конан из Киммерии. Двигайся через холмы и держись подальше от ущелья с демонами, потому что оно кратчайший путь в ад.

- И никто не вторгался туда крупными силами? Ты ничего больше о нем не знаешь?

- Борода Тарима! Разве этого мало?

- Да... спасибо тебе, Арсил из Самарры. Мне пора ехать. Придется целый день скакать по этим проклятым холмам!

- Почти целые сутки, - заверил его турец, кивая. - Но меньше чем в двух днях пути за ними лежит прекрасный большой оазис. Отдохни там и прикинь, как тебе повезло, что ты повстречал нас и избежал того манящего пути в ад! Желаю тебе успешной поимки твоей женщины!

- Она не моя...

- Тогда сделай ее своей, приятель, - пусть лишь на время! - И, развернув коня, Арсил присоединился к своим воинам. Они отправились на север.

Туранцы поехали дальше, решив попробовать вернуть осталное добро, украденное в Самарре. Конан не видел никаких оснований говорить им, что он отошел от Оазиса Смерти на сто шагов и закопал там самое лучшее из содергимого выюков непокорных верблюдов.

Поднимаясь на первый каменистый холм, его лошади постоянно оскальзывались, спотыкались. Конан счел более удобным спешиться и вести коней в поводу. Спуск на другой стороне оказался не легче, и к тому времени, когда он добрался до узкой долины, разделявшей первый и второй холмы, он уже знал, что непременно свернет в ущелье.

Забравшись в седло, он проехал немного на запад и вступил в длинную, довольно широкую лощину, увиденную им ранее со склона холма. Он, конечно, верил в демонов и духов, но также безоговорочно верил в себя. И он спешил.

Глава 6

ПЕСЧАНОЕ ЧУДОВИЩЕ

Глубокая расселина, по которой ехал Конан, могла быть прорубленной единственным ударом меча великаны при условии, что клинок будет изогнутым и немного волнистым. Должно быть, это ущелье давным-давно пробили ревущие вспененные воды. Никакая это не долина, а трещина в земле, по которой могло проехать не больше трех всадников в ряд. Гигантские камни серого и коричневого цветов, пронизанные вкраплениями или прожилками красного и охрового цвета, были в три раза выше всадника. Неприступные стены, казалось, угрюмо взирали на одинокого всадника и его двух лошадей. Конан держался левой стороны, пользуясь хоть мизерной, но тенью.

Лошади вели себя беспокойно, нервничали. Самый песок под их осторожно спешащими копытами, казалось, мерцал и перемещался, искря, словно самоцветы. Конан говорил себе, что прерывистые тихие стоны вызывались ветром, свистящим в этой зияющей трещине между нависающими скалами.

Но никакого ветра не чувствовалось. Не было даже ветерка.

Солнце пекло немилосердно. Пока Конан не видел никаких трупов, никаких костей. Его конь заходил в плавно изгибающееся ущелье все дальше. Сам воздух сделался угрожающим, гнетущим.

Крепко держа поводья, чтобы конь не понес, Конан не переставая вертел головой. Твердые, как голубые агаты, глаза горели, глядя то туда, то сюда, стремясь спроектировать взгляд, способный пронзить самый камень, что окружал его.

Он увидел место, где мог бы выйти из ущелья, забравшись на один из холмов. Этот вариант был все еще для него открыт: он уже сократил разрыв между собой и Испараной на много часов.

Солнце, казалось, негодовало за это на киммерийца и стремилось испечь его, как черный хлеб, на пространстве, стиснутом хмурыми скалами.

Стенания стали громче и чаще. Тон их теперь стал выше, и они казались человеческими или, того хуже, сверхчеловеческими. Обреченное создание, стонущее о своем несчастье.

Или... угрозы? И каким-то образом набирающие силу, словно подпитываемые его присутствием здесь, в их обнесенных скалами владениях, словно накачиваемые каждым шагом его вторжения.

Нежить? Песчаный нежить? Такие звуки наверняка издавал не труп!

Конан оглянулся. Его выночный конь гарцевал и подавал вбок, мотал головой и выкатывал полные страха глаза. Заехали они уже далеко. Плавный изгиб и мелкие извины ущелья закрывали от взоров вход в ущелье.

"Полпути позади, - подумал Конан. - Теперь уж бесполезно поворачивать назад".

Стенания раздались позади него. Стенания звучали впереди него, из-за поворота. Они исходили из высящихся каменных стен с обеих сторон и из-под копыт его нервничающего коня. Песок мерцал и сверкал, словно миллионы крошечных самоцветов на солнце. Казалось, стена сам песок.

Бадб и Немайн, да это просто сводило с ума!

Его конь протащился мимо белых костей, и Конан поджал губы. Это были человеческие кости. Так же, как и вон те... Да, вот еще один бледный скелет, отполированный песком и выгоревший на солнце. Там лежал и меч, неподалеку от сегментированных белых косточек - некогда человеческих пальцев. А вон там лежал кинжал, и его сияющий клинок не омрачало ни одного пятна. Конан увидел только один лошадиный скелет, тогда как человеческих насчитал одиннадцать. А тем временем стенания усилились, пока не превратились в постоянные завывания.

Двенадцать скелетов, тринадцать. Два туранских шлема. Еще оружие.

Его конь попытался шарахнуться от четырнадцатого растянувшегося скопища костей, и Конан стиснул ноги и натянул поводья. Стенания больше не были прерывистыми, а звучали постоянно. Они становились сильнее, чем дальше он углублялся в ущелье, где обитала тварь, порождавшая их.

- Прекрати! - прорычал киммериец, хищно прожигая взглядом окружающие скалы. - Прекрати стенать! Покажись или умолкни!

Его голос вернулся к нему эхом, отразившись от шершавых каменных стен вместе со стенанием, постепенно превратившимся в вой.

Тут Конан моргнул и дернул головой, словно желая прочистить уши. И снова моргнул, не веря своим глазам. Впереди и по обе стороны от него песчаное дно ущелья, казалось, ожило. Оно, казалось, смешалось, текло, песок пошел рябью, засверкал. Никакого ветра не было. Конан почувствовал, как дрожит его конь.

А песок двигался.

Затем песок вздыбился, кружась миллионами песчинок, мигающими и сверкающими крошечными точками. Не было никакого ветра, воздух не волновал даже слабенький ветерок. Скорбный вой нес совсем не ветер, и совсем не ветер поднимал пляшущий песок.

Конь Конана заржал, дергая головой, попытался повернуть и убежать. Конан удержал его, очень туго натянув поводья. Скакун встал на дыбы. Окруженный поднимающимся крутящимся песком, сверкающим, как блестки, конь гарцевал на задних ногах. Он снова опустился на все четыре, осел и снова встал на дыбы. Конан крепко вцепился, стиснув зубы и сощурив глаза.

Когда конь поднялся на дыбы в четвертый раз, он еще и повернулся.

Конан на секунду потерял равновесие, увидел, как небо заплясало и накренилось. А затем песок очутился наверху, а небо - внизу. Песок ужалил его пальцы. Поводья вырвало из

его руки, порезав ему пальцы. Конан с силой ударился о землю.

Ослепленный песком и оглушенный ударом о землю, он услышал громкое ржание и дробь копыт. Этот звук удалялся. Его лошади убегали туда, откуда пришли. Он потерял обоих коней вместе с их выюками.

Конан поднялся, ругаясь и щурясь попытался защититься от песчаного смерча. Ругательства быстро прекратились, он выплюнул набившийся в рот песок и стиснул губы и зубы. Он стал пленником воющей, кружящейся тучи, поднимавшейся все выше и выше.

Песчаными демонами называли такое явление люди пустыни. Это было лишь оборотом речи. "Но, - подумал Конан, - не в этот раз!"

А затем прямо перед киммерийцем песчинки начали скопляться, складываться в столп. Тот крутился, вращался, стонал, и этот скорбный вой терзал теперь уши северянина. Тогда как волосы у него встали дыбом и вспотел он даже больше, чем в самое жаркое время дня. Песок свернулся, сгустился. Каждая песчинка, казалось, пыталась присоединиться к другим, занять свое место.

Колонна начала принимать странные очертания. Песок сформировался в человека, нежить с мертвым лицом и зловещим темным провалом рта, болтающимися длинными руками и без всяких глаз. Хотя Конан сощурился так, что его глаза превратились в узкие щелки, он выхватил кривой восточный меч, доставшийся ему от погибшего вора из Самарры.

Песчаная нежить не нападала. Она кружилась, но пасть ее оставалась всегда повернутой к киммерийцу, открытой и черной. Конан рубанул по чудовищу без какого-либо результата. Удар меча, рассекший песок, казалось, ничуть не потревожил колдовское создание. Рубить здесь было нечего, нечего ранить или убивать, ведь это была всего лишь высокая куча песка!

И тут она надвинулась на воина, поглотила его.

Конан не мог с ней бороться, не мог освободиться, так как она двигалась вместе с ним, словно он был частью ее. Песчинки впились ему в лицо, забили уши и глаза, заполнили рот. Конан знал, что не смеет вдохнуть - или же наполнит нос, горло и легкие смертоносными гранулами. Конан начал задыхаться.

Он знал, что не может вечно задерживать дыхание. Он должен выскользнуть из песка - или попытаться. Иначе настанет время, когда он должен будет уступить автоматическим требованиям тела.

Конан не мог вырваться, не мог выкрутиться или выбраться на волю. Песок сделался саднящим, плотным саваном, который окутывал его. Он станет его смертным саваном. Уши северянина заложило от стенающего воя.

А затем раздались слова, и киммериец понял, что они не произнесены он слышал их у себя в голове, в мозгу.

- У тебя нет души!
- Я умираю... воздуха...
- У тебя нет души! Нет души! Ты трижды проклятый Хизарр Зул?
- Нет! Умираю... воздуха... Хиз-з-зарр... Нет! Нет, нет!
- Где твоя душа?
- Умираю... нечем дышать... она у Хизарра Зула...
- Так ты не Хизарр?
- Нет!

Отчаянно сознавая, что проиграл битву, Конан выпустил чуть-чуть воздуха между приоткрытых губ.

- Он забрал у тебя душу! Хизарр Зул причинил тебе зло?

- Да! Да! Умираю... нужен воздух... Хизарр похитил мою душу, а ты похищаешь у меня жизнь!

Кружащаяся фигура-столп, почти человеческая фигура из песка, закрутилась, удаляясь, отступая, освобождая его. Отодвинулась она фута на два. Ослабевший Конан упал на колени и с шумом хватал воздух открытым ртом. Глаза у него вылезли из орбит, а язык вывалился, но теперь он мог дышать. Говорить же он не мог еще много секунд. Он лишь дышал, и воздух казался ему слаше молодого вина.

- Ты живой! Объясни! - Песчаная нежить бушевала у него в мозгу. Ее слова прозвучали и приказом, и настойчивой мольбой одновременно.

- Я из... не из этих мест. Я из Киммерии - страны далекой-предалекой.

- Так ты не то проклятое чудовище Хизарр Зул?

- Нет! - проревел Конан. - Именно он-то и забрал мою душу!

И хотя говорить с грудой песка было, вероятно, безумием, невзирая на то, что сейчас она походила на высокий серый труп, весь шевелящийся как от беспокойно кормящихся личинок, варвар заговорил-таки с ним, решив схитрить. Его гордость и кодекс чести требовали искренности и не потерпели бы несдержанной клятвы... но... Это... существо искало Хизарра Зула... и ненавидело его...

- Высокородный наниматель послал меня в погоню за Хизарром Зулом, ибо он как раз сейчас скачет как одержимый в Замбулу, похитив наши души и мощный магический амулет. И только я могу остановить его...

Призрак застенал и, казалось, поуменьшился в размерах. Он держался на том же расстоянии и глухим голосом, исходящим со скрежетом из разинутого черного рта в сформированном из песка теле... объяснил:

- Проклятый Хизарр! Скачет словно одержимый, да? Он и впрямь должен быть таким, он и его черное сердце и еще более черная вероломная душа! Слушай же, пришелец из Киммерии. Выслушай меня, того, в ком ты видишь чудовище! Я тень брата Хизарра. Я тот, кто был Тозией Зулом! Хизарр убил меня и обрек на это существование, приковав к месту моей смерти! Внемли же, пришелец из Киммерии, повести о вероломстве и рассказу о том, как меня убили.

Конан решил, что создание из песка безумно, и не без причины. Киммериец знал, что ему придется выслушать его историю, так как он находился в его власти. Возможно, чудовище расскажет, как его можно одолеть или как можно быстро убить Хизарра Зула. Конан успокоился, приготовившись выслушать повесть, которую, как он понял, песчаному созданию просто требовалось рассказать.

- Никто другой не слышал эту повесть, киммериец. Внимай же. Мы с братом вместе изучали древние знания и тайные учения давно умерших магов, начал рассказ скрежещущий глухой голос. - Мы узнали тайны, неведомые людям, демоническую премудрость о тех бесформенных ужасах, что таятся в самых далеких землях, во тьме между мирами, вечно движущихся песках раскаленных пустынь и в темных пещерах, куда не забредают люди. Мы овладели воплощенными и экзотическими сведениями и в своей суэтной гордыне возмечтали о власти. Что там еще желать? Ведь богатыми мы уже были. И поэтому мы решили захватить власть, но наш замысел раскрыли, как я позже выяснил, из-за брата, не умевшего держать язык за зубами! Хан Замбулы узнал о нашем заговоре против него с целью захватить власть, и за нами явились стражники. О, они были правы! Намерения наши были

беззаконными, и в своем плотно затворенном доме в Замбуле мы и впрямь творили мерзости. Воины явились забрать нас. Нас с братом колесовали бы, вырвали бы нам клещами ногти, а потом глаза и языки. Но меня не было дома, они явились на нашу улицу вместе с маленьким кудесником, защищавшим их, - мелким колдунишкой, только и умевшим что плести чары защиты и соблазна. Я мог бы тогда сбежать! А вместо этого, заметив врагов, рискнул жизнью и как можно быстрей понесся по улице, влетел в наши тайные покои, чтобы предупредить моего брата Хизарра. Ах, если бы я тогда бежал без него! Мы бешено трудились, набивая дорожные тюки самыми ценным из наших самоцветов и жемчугов, ибо деньги свои мы вкладывали в них, а не в землю или груды монет. Мы пытались упаковать свои колдовские принадлежности и книги с магическими знаниями, накопления пятнадцати лет кропотливого труда, когда в дверь замолотили стражники хана. Мы могли бежать в чем были и со своим богатством. И все же мы, само собой, ругались и осипали злобными проклятиями хана и его стражников, ибо оставленные нами сокровища не имели цены - знания, предметы и приготовления, каких не купишь ни за какие деньги, а все, что мы захватили с собой, и было обыкновенным богатством. Побрякушки, какие можно купить. ...К тому времени мы уже проводили эксперименты удаляя из тел людей души... Теперь-то он научился делать это, не так ли?

- Да, - подтвердил сквозь зубы Конан.

- Значит, он близок к невероятной власти. С такими знаниями, с такими способностями все прочее становится мелким и несущественным, за исключением власти... Да, теперь, после десяти лет смерти, я говорю это слово: власти, накопленной вымогательством. Вообрази, чего только не заплатит человек, чтобы вновь обрести свою свою душу! Вообрази, что он сделает, если она окажется в руках другого!

"Мне незачем воображать, - зло подумал киммериец. - Я и так знаю. Переходи же к сути, ты, живое чудовище еще хуже, чем Хизарр Зул!"

- Вначале власть над воинами из городской стражи, а затем над их начальниками, над советниками и женами правителей - и в конечном итоге над самими правителями! Ибо наверняка есть способ, сказал мой брат, мой блестящий брат Хизарр с выпущенными глазами, сверкающими, словно черные звезды, есть способ извлечь души людей из какой-то их очень личной собственности. Так мы и собирались поступить. Мы могли получить власть над всей Замбулой, а потом над всем Тураном, над... Но мы бежали в ночь, как собаки... Беглецы... Нам повезло - мы наткнулись на караван под конец следующего дня. Караванщики нас не знали, и мы присоединились к ним, дав караван-бashi не более шести из десяти имевшихся у нас иранистанских лазуритов, - он думал, это все наше богатство! Да мы могли бы купить весь караван этого толстого дурака! Мы с Хизарром отправились с ними на север, скорбя о своей потере, клянясь начать все заново, клянясь отомстить хану Замбулы... за то, что он оборонялся и защищался от нас! Я показал брату те немногие свитки, какие захватил с собой, - страницу из самой Книги Скелоса! И он скорбел, говоря, что в спешке не увез ничего полезного. И мы ехали на север, находясь с братом в хвосте каравана, как обычные приставшие в пути... В ночь, когда мы подъехали к горам, называемым Драконьими, я обнаружил, что на самом-то деле Хизарр увез кое-какие записки... Он солгал мне! Он намеренно скрыл их от меня - от меня, своего брата, который столько лет был его наставником, а потом напарником, от меня, который разрешил этой гадине стать моим напарником. Ибо Хизарр - мой младший брат, и это я был гением и основателем в наших... предприятиях. Без меня он был бы ничем, ничем! И не думал я в своем жадном интересе к

этим исследованиям и нашей будущей деятельности, какими были на самом деле наши отношения... Он ненавидел меня! Он негодовал из-за моих лет, моего старшинства и превосходства в знаниях! Трижды проклятый гад! И в ту ночь я обнаружил это и высказал ему свои обвинения. Мы заспорили, и все вышло наружу. Его негодование и его ненависть ко мне! На этой потрясающей ноте мы расстались, оба в гневе, и, уходя, я принял определенные меры предосторожности: съел определенные травы и произнес определенные слова, так как нервничал, подозревал самое худшее и стремился не дать себя убить... Как видишь, я потерпел неудачу. Той же ночью - или скорее утром, ибо уже занималась заря, - мой хитроумный братец умертвил-таки меня, а потом выжег мне глаза добела раскаленными монетами. Меня оставили здесь! А караван ушел дальше. Я умер... но все то время даже не потерял сознания! Ах, мои травы и мои чары успешно защитили меня, ибо я был и мертвым, и живым. Ах, что за мука! Миллион раз за все эти истекшие годы... Сколько же прошло лет, пришелец, человек из Киммерии?

- Десять.

- Десять. И за эти десять лет я миллион раз жалел, что принял все эти меры предосторожности, чтобы не умереть, как все другие люди: телом, разумом и душой. Но нет. Умерло мое тело. Оно мертвое. Оно начало разлагаться, и я знал, что это мое тело гниет! Я все сознавал, когда с этих гор пришли шакалы и откопали мою разлагавшуюся плоть, а потом сожрали меня заживо! Они ели меня, варвар, меня! Некоторые из моих костей они утащили с собой - погрызть их в своих темных норах. Но я остался в живых. Моя душа прикована к этому месту. Я осужден стереть здесь о моей злосчастной судьбе и думать о мире и мести. А когда появлялись люди, я нападал, ибо один из них мог быть моим трижды проклятым братом Хизарром! Воля моя была сильна, варвар. С течением лет она набрала силу. Я приобрел власть над этим песком. Я сделал его частью себя, так что с его помощью я смог образовать подобие тела, которое ты видишь. Тело из песка! И так я существовал, мертвый, но живой, и все же бесцелесный. Не могу я и покинуть пределов этого проклятого ущелья, где меня убили и зарыли, ибо здесь моя кровь и здесь лежат почти все мои кости. Снова и снова я убивал, ища Хизарра, - ты ведь понимаешь, северянин, что я наверняка уже безумен...

- Понимаю...

Конан подумал о повести, которую услышал от существа из иного мира. Этот колдун-заговорщик едва ли был столь же достойным пленником, его судьба едва ли столь трогала слушателя, и он едва ли заслуживал помощи. Однако все же таки...

- Лишь со смертью моего брата, северянин, варвар, киммериец, я обрету покой!

Конан кивнул, но у песчаной нежити не было глаз.

- С его смертью, - возвысенно произнес безумный призрак. - Мое существование внушиает ужас даже мне самому! Я отбыл свой срок в аду, киммериец, - это то время, что я пробыл здесь в мире смертных! А теперь... теперь, обнаружив, что у тебя нет души - ибо уж я-то, бесцелесная душа, знаю это, - я нашел средство своего освобождения. Выслушай меня! Выслушай меня, киммериец, ибо у тебя тоже есть причина ненавидеть моего брата и желать ему смерти.

Лицо Конана походило на лик каменной статуи мрачно-строгого бога, а голос звучал угрожающе. Он произнес, не шевельнув ни единым мускулом лица:

- Да.

- Тогда выслушай же меня! Ты должен захватить его в плен, сделать его беспомощным! Моего брата можно убить, хотя и не так, как других людей. Убить его могут воды реки

Зархеба, ибо река та в далеком юго-западном Күше ядовита. Или же против него можно обратить один из его же... методов, вот потому-то он и не носит никакого оружия, - верно?

- Верно.

"Но как я попаду на берег какой-то невозможна далекой реки и откуда мне знать, как обратить против него его же колдовское оружие?"

- Значит, он научился похищать души?

- Да. Его дворец в Аренджуне охраняют люди, души которых он забрал и заточил в зеркалах... которые затем разбил. Но...

- А ты сможешь даровать им покой, набив землей рот Хизарра, и его уши, и ноздри, а затем, отрезав ему голову, позаботиться о ее сожжении - чтобы пламя полностью поглотило ее.

- Его голову. Но он ведь жив...

И Конан подумал: "Ты и впрямь безумен, умертвий Тозия Зула!"

- Его можно также убить железом, выкованным в Стигии над огнем из горящих костей, ибо большинство наших чар родом из той дурной и демонической страны. Еще его можно убить, задушив волосами девственницы, убитой бронзой.

Конан ничего не сказал. Он почувствовал, что желудок его бунтует. Что за мерзости столь спокойно провозглашало это лишенное жалости существо! Киммериец знал, что даже ради своей души он не может убить молоденькую девушку и выполнить все условия, о которых сказали это безумное чудовище. Нет, если понадобится, он проведет годы, разъезжая по всей Стигии, пока не приобретет железный меч. Если не найдет какого-то способа обратить против мага его же зло. Только это сулило хоть какую-то надежду, только это казалось возможным; однако это даст Конану мало шансов.

- А моя собственная душа?

- Какая ерунда! Я должен обрести покой! Хизарр должен умереть!

- Я клянусь памятью моей матери и богами моего народа, что я сделаю все, что в моих силах, чтобы убить его, Тозия Зул, и даровать тебе покой. Но я хочу обрести покой при жизни. Я хочу воссоединить свои тело и душу!

Песчаный умертвий заревел, задрожал, вырос размером.

- Я ведь могу убить тебя, жалкий человечишко!

- В этом я ничуть не сомневаюсь, великий кудесник. Но я - твое лучшее средство обрести покой. Помоги мне одолеть своего брата, и я сдержу свою клятву. Когда ты расскажешь мне, как вновь обрести свою душу.

- Ты можешь отобрать ее у него! Он может мигом вернуть ее тебе! Или, завернув зеркало, в котором она заточена, в те же локоны, которые, как я говорил, убивают его, и зарыть зеркало в землю, на которую упадет твоя кровь. А можешь заставить разбить зеркало коронованную особу. Ибо те, кто правит, наделены некой силой - силой, о которой мало кто из них ведает.

- Тогда я должен получить ее назад от самого Хизарра, ибо никогда не смогу завести разговор с правителями каких-либо стран и попросить их о такой услуге!

- Это уж не моя забота, человек из... Кто ты?

- Я Конан, киммериец.

- Что ж ты не сказал мне?.. Неважно... А теперь ступай и убей Хизарра Зула, проклятого всеми богами!

- Ты спугнул обеих моих лошадей, а с ними пропали вся моя вода и еда. Хизарр уже за

этими холмами... Никто теперь не пользуется этим ущельем... И едет через пустыню на юг. Пешком мне его никогда не догнать.

- Всего в одном-двух днях пути к югу отсюда есть оазис, не так ли? Я смутно помню... ах, боги, что за муки я испытываю!

- Да! - поспешил подтвердил Конан.

- Тогда не ты, а он тебя догонит, Конан из Киммерии! Ибо долгих десять лет я чахнул здесь мертвый, но не умерший, набрасываясь на всех заехавших в надежде, что каждый окажется, наконец, Хизарром! А теперь - теперь ты сможешь отомстить за себя и даровать мне покой! Сожми покрепче свой меч. Сделай несколько вдохов и хороший глубокий вдох и задержи дыхание! И закрой глаза!

Этот песчаный умертвий из зловещего ущелья был буйнопомешанным безумцем, жалкой тварью - и все же Конан знал, что он был и смертоносным чудовищем, и магом. Он убрал меч в ножны и крепко стиснул рукоять. А потом усиленно задышал, наполняя легкие, и сделал большой вдох. Задержав дыхание, северянин закрыл глаза.

И тогда вокруг него поднялась сплошная песчаная буря, и она, обернувшись ужасным вихрем, вознесла варвара ввысь, словно он ничего не весил. Конан вцепился в свой меч. Он знал, что его несут по воздуху с безумной скоростью. Он несся верхом на песчаной буре, созданной властелином песка, который к тому же был мертвым.

Желудок выворачивало, и Конан боролся с желчью, которая могла заставить его хватнуть ртом воздух, когда повсюду вокруг него был только песок, обволакивающий и несущий его, словно какой-то колдовской плащ.

Затем ветер стих или иссякла сила, которую использовал колдовской умертвий для передвижения песка. Твердые песчинки перестали наждачить ободранные руки и лицо киммерийца, и он рухнул наземь...

И, словно из самых смутных краев холодной тьмы, отделявшей мир жизни от мира смерти, до Конана донеслись прощальные слова чудовища:

- Вот так ты добрался до оазиса вперед него. Устрой засаду! А я вот совсем истощил силы, и...

Голос Тозии Зула растаял, песчаный смерч исчез. Конан лежал на траве и слышал, как где-то рядом плещется вода.

Глава 7

ИСПАРАНА ИЗ ЗАМБУЛЫ

Долгое время Конан лежал, хватая ртом воздух и дивясь происходящему. Наконец он поднял голову и увидел траву. Стройные пальмы стояли как часовые, карауля приличных размеров оазис, который, похоже, вырос из большой скалы, вылезшей из земли на совершенно ровном месте. Конан лежал неподалеку от окруженного камышом водоема, представлявшего собой довольно большое озерцо.

"Мне все приснилось?"

Нет, Конан въехал в ужасное ущелье - его лошади-то ведь пропали; сам он оказался далеко на юге и в большом оазисе. В том, что, по словам самаррянина, лежал менее чем в двух днях пути от Драконьих холмов? Он не знал. И не мог быть уверен. Он надеялся на это и потому - верил. Тозия Зул, надо полагать, говорил о том же оазисе, что и Арсил из Самарры.

Киммериец усмехнулся. Значит, подумал он, после всех выпавших на его долю бед он наверняка и впрямь опередил убегавшую Испарану.

Он напился, поглядел на прожженную солнцем пустыню и подумал о Хизарре Зуле и его

брате. Ну до чего приятно быть соучастником последнего! Отомстить за себя и за Тозию и в то же время героически изгнать умертвил из демонического ущелья, который так замедлял путешествия! Но... как? Конан мысленно перебрал подробно расписанные Тозией способы пресечь жизнь Хизарра и вновь обрести свою душу. Все они ему не нравились. Ни один не казался возможным. Как же тогда?! Хизарр ведь был опасным магом. Ему требовалось всего лишь разбить зеркало. И ему нужно всего раз дунуть в ту свою проклятую трубочку, чтобы погубить Конана.

Конан уселся под пальмой, прислонившись к ее стройному крепкому стволу. Он ждал и думал.

* * *

В тот полдень к оазису подъехал какой-то стариk с дочерью, сыном и тремя верблюдами. Сын не сводил с киммерийца темных подозрительных глаз. Он готов был драться, хотя и выглядел слишком молодо, чтобы знать, что он не смеет выступать против такого воина, как Конан. Дочь же смотрела на северянина со страхом и чем-то еще, что не позволяло ей встречаться с ним взглядом, но, когда взгляд Конана бывал направлен в какую-то иную сторону, она не сводила с него глаз. Отец поговорил с киммерийцем, который потом еще долго следил за тем, как путники обращались с верблюдами.

Да, Драконьи горы оказались чуть меньше чем в двух днях пути к северу отсюда. Нет, они никого не видели. Да, они ехали в Замбулу; не хочет ли Конан присоединиться к ним?

Нет, но Конан принял предложенную пищу. Он оценил этот бесценный подарок, так как сделали его люди, которым предстоял дальний путь. И пока стариk присматривал за верблюдами, Конан чуть не силой отдал настороженному пареньку кинжал в ножнах, забранный им у вора из Самарры.

- Я не оскорблю тебя, предлагая что-либо за еду, которой ты поделился по дружбе, - сказал Конан старику. - Но по дружбе же я дал твоему сыну небольшой подарок из хорошего металла.

- Кинжал хороший, - оценил стариk, - и да ускорит Митра шаги того, кого ты ждешь, друг. О, берегись. Несколько караванов всегда отправляются одновременно, и прошлой ночью луна показала мне, что караван из Хоарезма должен был быть здесь еще вчера. Мы его не видели. Наверно, он прибудет сегодня ночью или завтра утром.

Когда Конан продолжал молча глязеть на него, стариk пояснил:

- Хоарезм - самый южный город Турана на море Вилайет. В Хоарезме торгуют рабами и везут их на северо-восток в такие места, как Хаурен и Замора.

- А мне-то что до этого?

- Иногда работоговцев не слишком волнует, где они приобретают свой товар и как, мой юный друг из Киммерии. Разве ты сможешь защититься от них?

Конан коснулся эфеса меча.

- Тем не менее, - повторил стариk, - поберегись.

Путники сели на верблюдов и поехали на юг. Оба путника помоложе оглянулись. Конан не махнул им на прощание.

Он сел и некоторое время думал о том, какими же добрыми и хорошими могут быть люди и как мало людей ведут себя достойным образом. А затем расслабился и с терпением охотящейся пантеры - или варвара - стал смотреть на север. Конан поджидал Испарану и вынашивал замыслы расправы с Хизарром Зулом.

* * *

Пока заходящее солнце купалось в темном золоте своего заката, Конан наблюдал, как к оазису медленно приближались одинокий всадник и два животных. Солнце стало оранжевым, а потом красным. Оно разбрзгивало по темнеющему небу желтое золото. И тут Конан увидел, что всадник покачивается, кренится, чуть не спит в снабженной высокой задней лукой седле бредущего верблюда. За ними следовал еще один верблюд. Этот стройный и узкоплечий всадник носил поверх белых одежд плащ мышастого цвета.

Улыбаясь, Конан пополз на животе по высокой траве, бормоча проклятие, только когда его рука попадала в верблюжий навоз. Он добрался до своей цели - скопления больших серых валунов с красноватыми прожилками как раз на самом краю оазиса. Из-под них-то и был ключ, породивший оазис. Перезвон верблюжьих колокольчиков становился все громче.

Оттуда он некоторое время, как раз в сумерках, наблюдал, как Испарана добралась до оазиса... и свалилась со своего дромадера *.

* [Дромадер - одногорбый верблюд. - Прим, переводчика.]

"Слишком уж много она требовала от себя", - подумал Конан. Хорошо! Значит, она уверена, что ее преследователь остался далеко позади. Ее верблюд потащился дальше, заботливо избегая наступить на нее большими подушечками своих ног. Он выпил глоточек другой воды, казалось, поразмыслил и принял щипать траву. Второй верблюд последовал его примеру. Конан ждал.

Долгое время Испарана лежала не двигаясь - узел белого и выгоревшего серого белья.

Затем она приподнялась на локтях и поползла к водоему. У нее не было сил даже подняться на ноги. Сдвинув на затылок свой капюшон для защиты от песка так, что блестящие черные волосы упали ей на лицо, она опустила голову в воду.

Конан следил. Он заметил, что на боку у воровки длинный меч.

Наконец она устало поднялась на ноги и сбросила плащ так, словно каждое движение требовало огромных усилий. Двигаясь вяло, она проковыляла к верблюдам. Конан следил. Намокшие пряди волос, черных, как самая темная ночь, пристали к щекам и лбу воровки, придавая ей довольно привлекательный вид.

Закутанная в свободный белый бурнус и все же отчетливо женственная, она едва волочила ноги, бредя к южному краю оазиса. Конан увидел, как она зевнула. Один раз она споткнулась и упала ничком. Конан услышал, как она выругалась, помянув Эрлика и Йога. У края растительности она остановилась и уставилась на юг. Для Конана было очевидно, что она пытается пронизать взглядом сгущающуюся тьму. Восходящая луна осветила ее лицо нежно-белым светом, и Конан увидел, что у нее нежно-точеное, миловидное лицо.

Никогда Конан не видел никого столь уставшим, столь нуждавшимся в сне. Он подождет. Удача ведь наверняка снова повернулась к нему лицом.

Верблюды, опустившись на колени, срыгивали и жевали. Время от времени один из этих уродливых зверей вытягивал шею, чтобы сорвать несколько травинок и подсладить свою жвачку.

Испарана не смогла разглядеть ничего, кроме темноты, и ночь не донесла никаких звуков ни до ее ушей, ни до более чутких ушей киммерийца. Похожая в своих развевающихся белых одеждах на привидение, она вернулась к водоему. Конан взглядался во тьму, еле-еле различая женщину в лунном свете. А затем он увидел, что она делает, и у него комок подкатил к горлу.

Не в состоянии отвести глаз, Конан следил, как Испарана раздевается. Женщина считала, что находится совсем одна в ночном оазисе. Вызванная усталостью вялость сделала

ее движения более чувственными, и при виде ее освещенной луной фигуры у Конана появилось желание овладеть не только Глазом Эрлика. Мягкие сапожки из красного фетра, желтые штаны и белые накидки скрывали привлекательное женское тело, и Конан стиснул зубы.

Искушение поднялось в молодом киммерийце, как паводок в горах, и он подумал о том, как получить у этой женщины не только амулет...

Да - амулет. Когда она повернулась и скользнула в воду, он увидел, что она носит его на шее, на грубом кожаном ремешке, висевшем под ее просторной одеждой. Побрякушка, болтавшаяся между двух движущихся холмов ее голой груди... На кулоне поблескивали два желтых камня...

Верблюды уснули. Один из них вскоре захрапел.

Испарана же плескалась в водоеме, двигаясь так же вяло. Конан снова сглотнул. И снова. И еще и еще. Для мужчины это было скрываться в такой близи от прекрасной обнаженной женщины было немалой мукой. Но он ждал и жадно ловил взглядом мелькавшие в темноте контуры изгибов ее тела. Это только усиливало его мучения.

Тем не менее он утешался мыслью, что, наверно, она настолько устала, что утонет и избавит его от многих хлопот.

Наконец женщина вышла из воды - прекрасное бледное создание в серебристом свете луны. Конан увидел, что, даже искупавшись и освежившись, она едва волочила ноги. Испарана отряхнула длинные волосы, черные, как само небо. Потом она перенесла весь свой вес на одну ногу и бессознательно задвигала задом так, что заставила Конана закрыть глаза, спасаясь от такого зрелища. Она собрала волосы и выкрутила их, выжимая воду. Вода шумно падала ей на ноги и блестела на траве, словно лунные камни.

Конан скрипнул зубами и беспокойно заворочался. Ему приходилось постоянно сдерживать себя, чтобы не шуметь. То, что воровка была на восемь - десять лет старше него, не имело никакого значения. Он был мужчиной, да к тому же молодым, а она - очаровательной женщиной.

Делая много ненужных движений, она вытерла сверкавшую при луне полночь своих локонов подолом бурнуса. Одежду она раскинула на земле. Затем, надев плащ, она оставила его распахнутым и устало улеглась.

Теперь-то смотреть было не на что. Воровка мгновенно уснула, так как купание ее не взбодрило, но расслабило.

Оба верблюда хранили молчание.

Конан продолжал следить. Он испытывал возбуждение, искушение. Он чувствовал, как гулко стучит у него в ушах кровь. Он ждал. Луна поднялась выше - серебристые три четверти месяца, похожие на подвешенную на небе колыбель. Где-то далеко ей поклонялись пикты, как это издавна делали женщины, знавшие о своем родстве с висящей в небе Повелительницей Ночи и ежемесячно получавшие напоминание об этом.

Конан ждал, закрывая иногда глаза, давая им отдохнуть от пронизывания взглядом темноты. Верблюды спали шумно. Конан был уверен, что женщина тоже спит. Но он ждал.

Вор из Аренджуна бесшумно поднялся и пополз к верблюдам. Животные даже не пошевелились, когда он перерезал кинжалом их подпруги. Присев на корточки, он вскрыл большой тюк с провизией и выудил кое-что из его содержимого. А затем вор из Аренджуна пополз к Испаране из Замбулы; вор, стаивший дорогостоящие серьги со столика у постели, где спала их владелица, вор, обокравший еще одну женщину, пока та лежала с любовником

меньше чем в десяти шагах, стянувший плащ у спящего, даже не нарушив его храпа.

Только пугливо животное услышало бы шорох травы, сквозь которую пробирался вор из Аренджуна, не сводя глаз со спящей воровки.

Испарана лежала на спине, с распахнутым на груди плащом, открывавшим ее женские прелести. Конан провел языком по губам, бесшумно извлек кинжал из кожаных ножен. Очень медленно, остерегаясь издать малейший звук и не сводя глаз с ее прекрасного безмятежного лица, он опустился на колени около спящей женщины.

Длинный кинжал сверкнул при лунном свете металлическим блеском, когда державшая его большая рука приблизилась к горлу Испараны. Там пульсировала ее яремная вена, медленно, так как ее сердце билось спокойно.

И там покоилась тонкая полоска коричневой кожи. Завязанный на шее ремешок исчезал за пазухой надевающейся через голову накидки с низким вырезом на груди, капюшон которой служил подушкой ее волосам.

Конан действовал обеими руками.

Испарана слегка пошевелилась, когда он потянул скользящий ремешок, и варвар тут же застыл, как скала. Она вздохнула и не проснулась. Храп верблюдов не мешал ей спать, равно как и легкое, как перышко, прикосновение опытного вора. Через некоторое время Конан выудил ремешок и потом - с частыми остановками - висевший на нем кулон.

Не отодвигаясь от воровки, Конан надел на ее ремешок свой кулон, который он заранее снял с шеи. Тот был таким же... за исключением того, что не обладал никакой ценностью для повелителя Испараны, сатрапа Турецкой империи в Замбуле.

Женщина шевельнулась, когда он просунул ремешок ей под шею и завязал его узлом. Кулон он оставил поверх ее одежды, не рискнув попытаться засунуть его поглубже, в теплую норку у нее между грудей.

Лицо у Конана напряглось, а глаза горели, словно подземная лава, когда он глядел, на нее. На мгновение у киммерийца возникло искушение затянуть кожаный ремешок как можно туже и держать его, пока женщина не перестанет трепыхаться и не погрузится в новый сон, от которого уже никогда не пробудится.

Он не стал этого делать. Не поддался он также и желанию насладиться ею. Может, он и был варваром, каковым его называли, зачастую с презрением, но тем не менее он не был ни насильником, ни убийцей. При данных обстоятельствах убить ее было бы разумным, но киммериец на этот раз поступил по-иному.

Разогнув колени, он плавно поднялся на ноги. Испарана спала, погрузившись в глубокий сон полного истощения сил. Конан повернулся и ушел столь же бесшумно, как и подкрался к ней, и теперь на шее у него висела не копия Хизарра, а настоящий Глаз Эрлика.

Казалось, он ничем не отличался от поддельной драгоценности.

По какой-то причине, известной только верблюжьему роду, животные Испараны проснулись, не поднимая дикого рева. Оба даже соизволили подняться в ответ на понукания Конана, в которых он копировал старика, отдыхавшего в этом оазисе чуть раньше. Колокольчики их сбруи лежали в траве, все в одной стороне. Конан разделил содержимое главного выюка с провизией: всю ее еду он забирать не станет.

Конан попытался повести в поводу горбатых животных, странных кораблей пустыни. Но верблюды не послушались. Тогда северянин обошел их кругом и попытался гнать их перед собой, даже шлепнул одного плашмя по боку своим новым изогнутым мечом. Нога взбрыкнувшего животного только чудом не попала в него.

Конан пнул верблюда посильнее. Дромадер крякнул и осел на одну ногу. Верблюд повернулся, глянув на варвара из-под длинных ресниц, данных ему богами для защиты глаз от палящего солнца пустыни. Конан ответил таким же взглядом, не мрачным или ледяным, а исполненным огромной злобы, которую он стремился донести до зверя, столь не похожего на коня.

- Я намерен вывести тебя отсюда, - прошептал он верблюду, которого Испарана использовала как выночное животное. - Или выволочь твой задушенный труп. Выбирай, надменная морда.

Другой дромадер, на котором ехала Испарана, тоже повернулся. Киммериец бросил на него злой взгляд и показал зверю зубы. Верблюд задумчиво посмотрел на человека. Конан снова протянул руку к недоузду. Зверь попытался укусить киммерийца, и большие пожелтевые зубы царапнули его по запястью. Конан с силой шлепнул верблюда по носу. Зверь издал гортанный звук.

- Пошли.

Киммериец предпочел взяться за недоуздок, а не за повод. Верблюд потащился рядом с ним! А другой последовал за ними!

"Не знаю верблюдов, да? - в высшей степени торжествовал про себя Конан. - Они и все прочие понимают, кто хозяин. Просто доказывать им это надо по-иному, да и гордости у них побольше, чем у лошадей, или здравого ума поменьше. Ладно же, верблюды, у меня гордости еще больше, и вы это чувствуете, не так ли?"

Зеленая трава оазиса закончилась, когда он и животные пошли дальше. Конан повернулся лицом на север. "Прощай, Испарана, - подумал он. Надеюсь, что скоро придет караван работников, но посчитаем, что человеческого товара у них и так предостаточно!"

У Конана имелись доказательства, что он обладал какого-то рода шестым чувством, которое не раз спасало ему жизнь. Обладал он им на самом деле или нет, не имело значения; обладала ли им Испарана, тоже несущественно, так как, что бы там ни являлось причиной, но женщина в тот миг проснулась. Она резко выпрямилась, сев на песке, словно проспала много часов.

- Вор! Стой, вор!

Потом она побежала вокруг водоема с обнаженным мечом в руке.

Конан попытался вскочить на ее верхового верблюда, но не сумел и попробовал поставить его на колени. Не сумев, он понял, что времени у него больше нет. Он повернулся лицом к Испаране и тяжело вздохнул.

Та неслась, огибая водоем, размахивая мечом так, что тот сверкал при лунном свете; в другой руке она держала высоко задранный подол плаща. Она непрерывно бранилась.

- Погоди! - обратился к ней Конан. - Постой!

- "Постой"! - закричала она, и голос ее сорвался на визг. - Пока ты крадешь моих верблюдов и оставляешь меня здесь умирать?

Ему волей-неволей пришлось отпустить недоуздок верблюда и выхватить меч. Воровка продолжала бежать к нему, словно обезумевшая. И на бегу же она нанесла с размаху секущий удар. Конан с легкостью отразил его мечом и в то же время быстро шагнул в сторону. Инерция атакующей женщины понесла ее дальше, и она врезалась в верблюда. Когда женщина отлетела, упав навзничь, верблюд решил, что хватит с него криков. ...А теперь еще и этот неуместный толчок. Он крякнул, взревел и взмыкнул, лягаясь совершенно не по-верблюжьи. Одна расширенная мягкая стопа попала по передней ноге другого верблюда. Оба

зверя выразили свое недовольство. Затем второй дромадер отреагировал на пронзительные вопли Испараны и этот внезапный взрыв со стороны своего товарища, совершив поступок крайне подлый.

Выночный верблюд побежал.

- Нет! - заорал Конан. - Стой!

Тут верховой верблюд доказал, что он не был особо привержен к роли лидера, и последовал за своим товарищем. Неважно, что верблюды были самыми глупыми и невозмутимо-мирными животными: они возмутились. И рванулись в ночь.

Громко крича, Конан бросился за ними. Верблюд, бежавший сзади, испугался и прибавил прыти. Конан прыгнул, вытянув руки, и промахнулся; он упал, растянувшись на плотно утоптанном песке на краю оазиса. Дромадеры, покачиваясь, уносились в темноту. Неуклюжие они звери или нет, но они мало-помалу набирали скорость.

Поднимаясь на ноги, Конан услышал разъяренный крик Испараны, приближающейся к нему. Он метнулся в сторону. Ее меч, уже опускающийся в рубящем ударе, погрузился в песок там, где только что лежал киммериец. Перекатившийся на спину, Конан приподнялся на локтях.

- Будь ты проклята, женщина! - прорычал он, и его метнувшаяся вбок стопа, ударив по ногам воровки, сбила ее с ног.

А затем киммериец с трудом поднялся на ноги и побежал на север, следом за верблюдами.

* * *

Вернулся он из темноты пешком, шагая отнюдь не широким шагом и выглядя порядком раздосадованным. Он не вел в поводу никаких верблюдов. Испарана стояла, сердито глядя на своего противника. Меч она держала поднятым для колющего удара.

- Теперь ты этого добилась, - сказал он. - Спугнула-таки верблюдов.

- Я спугнула...

- Да. Думаю, они все еще бегут.

- Я... ах ты грязный пес, вор, ты заточил в эту тюрьму без стен нас обоих! Я убью тебя! - И она сделала отчаянный выпад.

Конан нырнул в сторону. Когда он поднялся, то уже держал меч наготове.

- Прекрати, женщина! Мы здесь в тюрьме без стен, как ты сказала. Лучше уж сидеть в ней вдвоем, чем поодиночке.

- Но ты, ты... мои верблюды! Еда! Вода!

- В нескольких шагах от тебя воды навалом, - спокойно напомнил он ей. - И я оставил тебе немного еды - за кого ты меня принимаешь!

- За кого? За пса! Шелудивого пса!

- Оазис тут большой, и путешественники бывают здесь часто в это время года. Мы не умрем с голоду, прежде чем кто-нибудь заявится.

- Ты - вор, мерзкий грязный пес! Гад! Как ты только можешь стоять тут и говорить так! - И она снова бросилась на него.

Конан подобрался, готовясь встретить ее неопытную атаку. В последний миг он увилинулся в сторону, одновременно выхватывая меч и скрещивая свой клинок с мечом воровки. Клинки встретились со звонким лязгом, и металл с визгом заскрежетал по металлу. Испарана не смогла остановиться, меч выпал из ее руки.

Киммериец подбирал его, когда женщина развернулась лицом к нему.

- А теперь стой, - велел он ей. - У меня нет ни малейшего желания убивать тебя. Но если ты не будешь держаться подальше от меня и не прекратишь эти безумные наскоки, я тебя раню.

Она стояла, смотрела на киммерийца и рыдала, но не размягчилась и не отчаялась. Она рыдала от ярости и подавленности. Конан понимал это чувство.

- Ты очень устала. И не выспалась. Предлагаю тебе вернуться к прерванному отдыходу. А я останусь по другую сторону водоема, под той самой большой пальмой.

Испарана застыла, прожигая Конана взглядом, дрожа от бессильного гнева. Энергию этого гнева требовалось куда-то выплеснуть: она топнула и стукнула себя кулаком по ладони. Затем внезапно она вспомнила, что случилось до того, как она уснула.

- Ты был здесь. Ты видел, как я купалась!

- Видел? - Конан бросил свой меч в ножны и переложил ее оружие в правую руку. - Что видел?

- Видел... видел меня... ты видел, как я... купалась.

- Ах, это...

Конан пожал плечами, зевнул и повернулся уйти обратно в заросли травы и деревьев. Больше он ничего не сказал и не взглянул на Испарану, хотя знал, что она все еще стоит, уставясь на него. Он вошел в оазис и сел у подножия, которое оговорил для себя. Ее меч он по-прежнему держал в руке. Воздух становился прохладным.

Она пришла, выбрав кривую дорожку, чтобы оставаться подальше от человека, который и обокрал, и оскорбил ее. Вернувшись туда, где ее бурнус лежал на траве белой кляксой, Испарана долгое время стояла, раздумывая. Наконец она повернулась лицом к Конану, глядя на него через спокойную воду.

- Кто ты?

- Конан, киммериец. А ты?

- Кто тебя подослал?

- Подослал? Меня никто не подсыпал. Я направлялся в Замбулу из Хаурана. И не знал о твари в ущелье между этими холмами. Обе мои лошади сбежали, и я сам едва цел остался.

- Очень жаль! Не повезло же мне! Великий умелец терять ценных животных в пустыне, не так ли? Ты ждешь, что я поверю, будто ты уцелел после встречи с чудовищем из песка и не сошел с ума?

- Да, я уцелел после столкновения с тварью в ущелье. Но наверняка никакой человек в здравом уме не удовольствовался бы верблюдами, после того как увидел тебя.

- Прибереги свои комплименты для шлюх, с которыми ты, несомненно, лучше всего знаком! Как же ты тогда очутился здесь раньше меня?

- Повезло. Когда я выбрался из ущелья, трое человек как раз выезжали из Драконьих гор. Они привезли меня сюда. Очень добрые люди.

- Я видела их впереди, когда поднялась на первую из этих гор... Но они оставили тебя здесь?

Конан сделал жест.

- Нам оказалось не по пути.

- Но добровольно позволить бросить себя в пустыне...

- Место тут приятное. Я знал, что скоро кто-то появится.

Это заставило Испарану умолкнуть на несколько секунд.

- Чудовище! Пес! Вонючий сукин сын! Хрюкающая свинья! Ты "знал, что кто-то

появится"!

- Да. Песчаный умертвий рассказал мне... Так же, как о человеке по имени Хиссер Зуул, в... Ареные?

- В Аренджуне, - автоматически поправила она, задумавшись.

- Да, в Аренджуне. Ты знаешь этого Хиссера Зуула?

- Нет.

- А слышала о нем?

- Нет. Конечно нет. Я никогда не бывала в Аренджуне. О нем все слышали. Тебе там самое место, уж поверь мне!

"Так, значит, мы оба лгуньи, Испарана, - размышлял Конан. - Не скажу я тебе про караван, идущий из Хоарезма... Спи, Испарана. Конан устал... и не смеет уснуть, пока не заснешь ты!"

Женщина села, сложившись пополам. И хотя Конан не видел ее лица, он знал, что она смотрит на него. Усталость и желание уснуть пересилили все ее мысли о нем, о еде и о завтрашнем дне. Наконец, она улеглась на спину.

Через некоторое время она уснула, а потом уснул, прислонившись к дереву, Конан.

Испарана тоже была воровкой и умела двигаться тихо. Она разбудила киммерийца, поднеся острье своего меча к его глазам.

Глава 8

РАБОТОРГОВЦЫ!

- Я не стану молить о пощаде, женщина, - сказал Конан, разглядывая сверкающий клинок Испараны. - Но тебе есть над чем поразмыслить.

- Я слушаю, - обронила Испарана.

- Позади тебя я вижу караван, идущий с юга. Еще несколько минут - и мы услышим их колокольчики. А меньше чем через час они будут здесь. Ты уверена, что сможешь убедить их, что убила меня не просто так?

У воровки хватило ума отступить на несколько шагов, прежде чем посмотреть на юг. Одного взгляда хватило для подтверждения, что приближающийся караван Конан не выдумал.

На лице у Испараны, когда она снова повернулась к Конану, появилась нехорошая улыбка.

- Если это замбулийцы, собака, то они меня поймут и поверят мне, когда услышат мой рассказ. А ты умрешь медленно, как и заслуживаешь.

- Кровожадная девка! А если это шайка работорговцев из Хоарезма? Что тогда?

Воровка моргнула.

- Ну не станут же они причинять вреда свободной женщине из Замбулы города, входящего в Туранскую империю!

- Хм... Женщину без товаров, без коней или верблюдов, без защитника... хм... Мы можем быть парой беглых рабов. Да, они не причинят тебе вреда они просто добавят тебя к своей веренице скованных.

Теперь периферийное зрение Конана показало ему, что от каравана отделился отряд всадников и галопом скачет к ним. "Воины, посланные разведать оазис", - предположил он.

- Эрлик! Это немыслимо. Но даже и так - какое тогда имеет значение, убью я тебя или нет?

- А что тебе это даст, если есть возможность мне умереть медленно в Замбуле?

- Месть! Если б не ты, я бы встретила их как человек имущий, с двумя верблюдами и одним рабом. - Лицо Испараны скривилось, а глаза снова посуворели.

Конан сидел, глядя на нее. Он не думал, что она убьет его так вот с ходу. В то же время ее голени находились как раз за пределами досягаемости его ног, его меч и кинжал лежали в ножнах, а пятеро всадников быстро приближались. Он сообщил ей о них, предлагая ей спрятать, что у нее есть ценного. Воровка быстро обернулась, когда охранники каравана, постепенно переходя на легкий галоп, добрались до оазиса.

- Эй!

- Сам эй, - отозвался Конан и поднялся, в то время как Испарана неуверенно смотрела то на него, то на новоприбывших. Меч в ее руке дрогнул.

- Вы одни в этом оазисе? - Всадник огляделся. - А где ваши животные?

Конан шагнул вперед и обнял Испарану одной рукой. Ему пришлось стиснуть ей плечо, когда она попыталась отшатнуться.

- Украдены, Эрлик побери! - выругался Конан. - Мы с моей... подругой приехали сюда из Шадизара, что в Заморе. Должны были встретиться с ее двоюродным братом, Арсилем из Самарры. Он солдат империи. Ну, мы прождали не один день, и, когда здесь остановилось девять шелудивых крыс из пустыни, мы оказались слишком добрыми. Они угнали наших животных. Двух лошадей и двух верблюдов. Эрлик побери!

- Вороватые свиньи! А ее двоюродный брат... еще не прибыл, да?

Конан постарался убедить работогровцев не думать о пополнении товара:

- Они прибыли несколько часов спустя. И, почти не задерживаясь, погнались за ворами.

- А... - Всадник повернулся что-то сказать тем, кто приехал с ним, а затем шагом направил своего коня к зеленой растительности. - А мы никого не видели.

- Да, - согласился Конан, - они все ускакали на север. Скоро вы, несомненно, повстречаете возвращающегося Арсила и его ребят. Надеюсь, везущих головы без тел.

- Они оставили вам это? - Всадник показал на небольшой выюк, который Конан собирался оставить для Испараны.

- Да. Вы из Замбулы, капитан?

- Нет, из Хоарезма. - Всадник спешился. Его борода не скрывала нескольких шрамов. Значит, давно в наемных солдатах. - Вас ведь не оскорбляет вид... живого товара, не так ли?

- У вас свое ремесло, - ответил Конан, - а у нас свое.

- Конечно. Мы остановимся на несколько часов, а потом вы можете присоединиться к нашему каравану.

- Лучше нам просто подождать здесь, - легкомысленно отозвался Конан. Арсила и его имперских солдат. Как, по-твоему, Килия?

- Определенно, - поддержала его игру быстро соображавшая Испарана. Арсул скоро вернется. Наверно, мы с капитаном можем обсудить возможность покупки коня. - Она с улыбкой повернулась к Конану: - Я могу подождать тебя в Замбуле, любимый.

- Не думаю, что тебе следует ехать совсем одной весь этот путь на юг, - возразил Конан, улыбаясь ничуть не менее нежно.

Также улыбаясь, наемник шагнул вперед так, чтобы быть рядом с Испараной напротив Конана.

- Наверно, все дело в твоем выговоре, северянин, - сказал он. - Но я замечаю, что вы с э... Килией не согласовали имя ее родственника. И я также не такой дурац, чтобы поверить, что пятеро солдат из далекой Самарры поедут так далеко на север всего лишь ради встречи с

родственницей одного из них.

- Если она не родственница правителя Самарры, - отозвался ровным тоном Конан и тоже сумел сохранить свою улыбку. - Вы можете понять, почему мы не желали говорить вам об этом, капитан. Хотя ваше ремесло - охрана верблюдов и рабов, вы должны знать о таких вещах, как государственные тайны.

Какой-то миг капитан наемников выглядел неуверенным. А затем протянул:

- Да... и теперь я хотел бы услышать, как зовут правителя Самарры.

Конан, понятия не имевший, как зовут сатрапа Самарры, сохранил открытое выражение лица.

- Назовите ему, госпожа.

Испарана высокомерно посмотрела на охранника:

- Я не привыкла, чтобы меня допрашивали.

- Самаррой правит Хизарр-хан, - заявил Конан, надеясь, что охранник тоже не знает имени сатрапа.

- Неверно, - обрубил работоговец из Хоарезма.

- Проклятие, - выругался Конан и отвернулся от Испараны, кладя руку на эфес.

- Ха! Я не знаю имени правителя Самарры, но и ты тоже! - заявил капитан. И сделал знак своим конным воинам. - Эти двое, на мой взгляд, похожи на беглых рабов! Вот где мы заслужили обещанную нашим нанимателем награду. Взять их!

Конан одной рукой выхватил меч, а другой рванул Испарану прочь от работоговца.

- Вам лучше воспользоваться мечом, госпожа! И молиться, чтобы вернулся Арсил!

Испарана так и не убрала меч в ножны. Капитан наемников потянулся за своим оружием. Один всадник подъехал к Конану. Когда он наклонился стукнуть его большой дубинкой, Конан нырнул под брюхо его коня. И выпрямился по другую сторону от всадника. Поворачиваться в седле он стал слишком поздно. Рука Конана уперлась ему в стопу и скинула его с коня. В то же время Испарана, заметив, что все внимание капитана сосредоточено на Конане, нанесла ему колющий удар в левую подмышку.

С криками потрясения и ярости остальные работоговцы пришпорили коней, поскакав вперед. Их руки схватились за мечи вместо усмиряющих рабов дубинок.

- Прикончи скинутого наземь! - заорал Конан, и, хотя конь из Хоарезма на три четверти развернулся кругом, киммериец вцепился в луку и подтянулся в седло.

При этих его словах двое из трех нападающих повернули коней к Испаране. Конан с силой пнул своего скакуна, так что тот рванул в пространство между нею и атакующими хоарезмийцами. Один из них уже высоко поднял меч, готовясь развалить женщину одним ударом; не останавливаясь, Конан чиркнул его мечом по животу, вспоров живот от бедра до бедра. Воин вскрикнул от боли, в то время как Испарана ударила мечом того, которого Конан скинул с коня.

- Хватай того коня! - заорал Конан, резко разворачивая захрапевшего коня мордой к двум другим охранникам каравана.

К несчастью, они разъехались в разные стороны так, что он проскочил между ними. Он получил порез высоко на левой руке, тогда как сам рубанул другого всадника по лицу. Пока тот падал, прижав ладонь к поалевшим чертам, Конан снова рывком развернул коня. Рубанувший его воин сделал то же самое. А Испарана каким-то образом уже сидела в седле с распахнутым до пупка изодранным плащом.

- Дайте ему сзади, "госпожа"! - крикнул Конан, глядя на то, что творилось за спиной

последнего врага.

Глаза наемника вылезли из орбит. Не оглядываясь, он дернул голову коня вправо, вонзив одновременно каблуки ему в бока. Конь рванул. Видя, что четверо его товарищей тяжело ранены, а то и чего похуже, перепуганный хоарезмиец помчался назад к каравану.

- Пятеро едва ли стоили своего жалованья, - прорычал Конан. - Дай только мне захватить эту малость еды, "любимая", и нам лучше мчаться на север галопом!

Тут он посмотрел в ее сторону, увидел, как ее меч стремительно несется к его лицу и маячившие за ним ее искаженные черты, и отчаянно пригнулся. Меч не задел его, а Испарана уже поскакала галопом в юго-западном направлении, чтобы избежать других охранников каравана. У Конана тогда не было никакой возможности узнать, что у нее ничего не выйдет. Он не только упал, но и ударился головой о ту большую старую пальму. Для Конана солнце погасло.

* * *

Пятеро воинов в одинаковых плащах и островерхих шлемах сидели на лошадях и с неодобрительными выражениями на лицах наблюдали за тем, как караван тянулся на север. Эти пять воинов вели в поводу двух лошадей. В караване же было и примерно полсотни волочивших ноги рабов, скованных одной цепью, шедшей от одной голени к другой.

- Похоже, они потеряли нескольких охранников, - заметил один воин. - Я вижу только шестерых, да еще двух раненых и четырех лошадей без седоков.

- Ты наблюдателен, Камбур. Наверно, нам лучше спросить у них, не видали ли они...

- Арсил! Арсил из Самарры!

- Глаза Тарима! Кто это звал? Один из рабов?

- Арсил! Конану из Киммерии нужна помощь!

Когда глаза Арсила выделили кричавшего на самом конце вереницы скованных рабов, один наемный охранник подъехал к нему, подняв плеть. Арсил вскинул руку направив палец на охранника.

- Ударь его - и умрешь, наемник! Караван-бashi вели остановиться! Камбур, Сарид - к концу цепи и приведите его лошадей. Будьте готовы драться, если эти свиньи вздумают отрицать право нашего голубоглазого друга на свободу! За мной! - И Арсил, пришпорив коня, понесся к голове каравана. Двое его воинов последовали за ним, Ведя в поводу двух лошадей, которых они без труда заарканили непосредственно к северу от Драконьих гор, двое других поскакали к Конану. Он двигался в самом хвосте каравана, если не считать двух конных охранников.

Несколько минут спустя некий Искул, караван-бashi, оправдывался:

- Он убил двух моих охранников и тяжело ранил двух других! Ему повезло, что мы не прикончили его!

- Повезло? - Рука Арсила высвободила меч из ножен. Глаза Искула неотрывно следили за его движением. - А ты кем предпочел бы оказаться, убитым или порабощенным? Отвечай побыстрей, гражданин Империи, которой я служу. Я ведь могу предоставить тебе одно из избранных состояний.

Работоторговец из Хоарезма сглотнул, а потом сделал еще одну попытку.

- Капитан, капитан! Ведь мы же здесь купцы, действуем от имени и по поручению других купцов для обогащения Империи, которой вы служите тоже. У вас нет никакого права останавливать нас и требовать одного из наших рабов! Так же, как и требовать другие товары.

- Их вы тоже украли?

- Капитан...

- У вас десять охранников. Один человек, по вашим словам, убил двоих и ранил двух других. Нас пятеро, и мы служим Империи, - уведомил караван-бashi Арсил, немного подправляя факты. - У меня есть документ от моего хана, наделяющий меня властью преследовать воров и возвращать украденное, а вам известно, что мой хан - родственник жены царя - императора. Клянусь Таримом, мне думается, что мое предписание можно рассматривать как приложимое к вам. Я заберу киммерийца, сударь. Вы сами отадите приказ или мы должны смущать Империю Турана обнаженной сталью?

Искул снова умолк, раздумывая. И снова попытался спорить:

- Послушайте, капитан, ни к чему нам так говорить. Парень этот рослый и здоровенный, и цену за него дадут превосходную! Наверно, мы с вами могли бы заключить сделку. Я человек не бедный...

- Да, только готовый вот-вот стать мертвым, - добавил Арсил. - Я взяток не беру, приятель.

- А! Демоны побери вас обоих! Все равно он наверняка склонен к побегам и бунтам. Фарс! Освободи того, последнего. У этого пса есть друг.

- И женщину, которую эти ублюдки захватили вместе со мной! - заорал Конан, прежде чем подумал о том, какая прекрасная рабыня вышла бы из Испараны.

После короткого столкновения Искул прокричал второй приказ. Фарс, сопровождаемый с обоих боков двумя воинами Арсила, не посмел сделать ничего, лишь разомкнул оковы Конана, а потом Испараны. Усмехающийся киммериец с благодарностью посмотрел на солдат.

- Камбур из Иранистана! От души благодарю. И вы даже лошадей моих привели. Это, - представил он, кладя руку на плечо Испараны, - и есть та женщина, которую я искал по поручению моего хозяина. А те два верблюда вон, видите - ее. Она, как и вы, едет на юг... Вот, Испарана, прекрасная свита для тебя - храбрые ребята и мои хорошие друзья.

Воровка вперила мрачный взгляд в молодого киммерийца. На груди у нее поблескивал фальшивый Глаз Эрлика. Конан круто повернулся к Фарсу и рыкнул на него настолько по-звериному, что наемник попятился, вытаращив глаза. И ничуть не возразил, когда Конан забрал с его седла два пояса с оружием. Вначале Конан застегнул на талии пояс Испараны, а потом и свой. И весело улыбнулся, взглянув на подъехавшего Арсила.

- Друг мой, я навеки у тебя в долгу!

- Ты просто больше не предъявляй прав ни на кого, Конан, - попросил Арсил, - а то у нас в Империи вспыхнет мятеж! Все равно из тебя вышел бы скверный раб, голубоглазый варвар.

- Да уж что верно, то верно! А вот что до Испараны, по-моему, она была бы превосходной рабыней. Однако я слаб и чересчур мягок и не могу позволить ей остаться скованной цепью. К тому же один из тех двух верблюдов действительно ее!

Арсил чуть отвернулся голову в сторону:

- А другой?

Конан развел руками:

- Я же тебе рассказывал, что преследую ее по поручению одного человека из Шадизара. Испарана прихватила несколько мелких предметов, которые дороги ему. Но теперь они все во вьюке на спине выночного верблюда моего нанимателя.

Это впервые за полтора дня, проведенные ими в качестве рабов, пробудило Испарану к жизни; она была словно оглушенной и внезапное появление друзей киммерийца сбило ее с

толку. А теперь она развернулась к усмехающемуся Конану:

- Скотина! Сын скота! Пес-ворюга, это мой верблюд! Оба они мои, и ты отлично это знаешь. Капитан, посмотрите на меня. Я выполняю поручение самого хана Замбулы. Как может турецкий солдат позволять этому... этому...

- Лучше прекрати лгать, любимая моя, - посоветовал Конан, - чтобы я не предъявил права и на ту побрякушку, что висит у тебя на шее.

Голос у Испараны оборвался, глаза расширились, рука сжала амулет, сделанный Хизарром Зудом. Губы у Испараны тоже сжались.

Конан улыбнулся конному Арсилу:

- Вы что-нибудь нашли в том оазисе?

- Ничего. Должно быть, тот караван, о котором ты говорил, что-то сделал с оставленными тобой телами. Естественно, верблюдов они тоже прихватили с собой. Отличный подарок...

Конан мотнул головой.

- Я чувствую себя ответственным за это, Арсил, и я у тебя в долг. Вот. - Он отстегнул меч, забранный им у Ускуды, самаррянского вора. Возьми его - это доказательство для твоего хана, что ты повстречал и убил Ускуду и его напарника. - Он повернулся к собственной выночной лошади и быстро отвязал самый маленький из выюков. - Ты знаешь, что в нем, Арсил, и знаешь, откуда все взялось, хоть ты и позволил мне оставить деньги себе. Возьми и этот тюк. Так что ты вернешься с доказательством смерти Ускуды и с приличной долей его добычи.

- Конан, тебе следовало родиться более высокородным! Поехали с нами. Человек с такими способностями и таким благородным характером скоро станет начальником в гвардии Самарры!

- "Благородным", - пробормотала себе под нос Испарана. Конан и Арсил уставились на нее, пока она не отвела глаз.

- Я никогда не забуду ни тебя, ни твоего предложения о найме, пообещал Конан и умолк, чтобы продемонстрировать свою тигриную силу и гибкость, вскочив на коня. - Но сейчас я должен отправиться на север. У моего нанимателя есть определенная... власть надо мной. "Госпожа", ты быстро соображаешь и отлично владеешь мечом, - очень жаль, что мы расстаемся!

- Кстати, о мечах... э, Конан...

Тут киммериец хлопнул ладонью по своему клинку, не так давно принадлежавшему Испаране.

- А тебе он не понадобится, дорогуша. Эти могучие турецкие солдаты позаботятся о тебе! Всего тебе хорошего в Замбуле. О Арсил, дружище, уговори эту женщину показать тебе, как хорошо она плавает!

И Конан пустил своего коня рысью вместе с другим, груз которого он чуть облегчил. А за ним быстро перебирал ногами дромадер Испараны. Конан, усмехаясь, проскакал вдоль всего вытянувшегося каравана и лишь на долгий-предолгий миг задержался вперить взгляд в Искула из Хоарезма.

- Когда-нибудь, толстяк... когда-нибудь я заявлюсь в Хоарезм и вспорю тебе брюхо, а потом спалю весь ваш поганый работторговый город!

А затем Конан галопом понесся на север и лишь немного отклонился от прямого пути к Аренджуну. В одном оазисе он отсчитал сто шагов на восток, в пустыню, и откопал зарытый

им симпатичный вьючик.

Глава 9

ЧЕРНЫЙ ЛОТОС И ЖЕЛТАЯ СМЕРТЬ

- Так, Конан из Киммерии! Ты вернулся намного раньше чем через месяц, - молвил Хизарр Зул, выгнув дугой брови над выпученными глазами. - Значит, ты успешно выполнил поручение? - Маг стоял, покачиваясь на носках и сцепив руки за спиной, как и в тот раз, когда Конан впервые увидел его.

- Да. - Киммериец окинул взглядом зеленую комнату, куда его препроводили жутковатые охранники. Он снова остался без оружия. Его сложили у задней двери особняка. Да, зеркальце было тут. Оно покоилось в сведенных чашею руках статуи черного демона.

Конан показал на него:

- Я хочу, чтобы это зеркало опустело, колдун.

- Да неужто! Нет ничего проще - для меня. Но сперва докажи, что тебе удалось вернуть амулет.

- Очень мне не хочется расставаться с ним, - признался Конан. - Я вот уж неделю ношу его на шее.

- Хмм. А копия, которую я тебе дал?

- Она в руках той, которая украла у тебя настоящий Глаз. Эта женщина, несомненно, все еще на пути к Замбуле - в сопровождении свиты из пяти воинов, которую я ей организовал.

- Ну и изобретательный же ты, Конан из Киммерии!

- Не слишком. У меня нет ни капли воды из одной реки, что течет в Күше, ни стигийского железа, и я не из тех, кто убьет девушку ради ее волос!

Кровь отхлынула от лица Хизарра.

- Откуда ты?.. И что за чушь ты несешь?

- Ты уже проговорился, колдун. Значит, это правда. Этими средствами тебя можно умертвить. И все похищенные тобой души можно освободить, набив твой выскобленный череп землей и спалив его дотла, а?

Хизарр Зул был буквально потрясен словами варвара. Он отступил на шаг. Ноги у него сделались ватными, когда он заглянул в голубые глаза юноши-северянина.

- Ты... но только один человек знает об этих вещах!

- И этот человек я. Другой вот уж десять лет как мертв. Не спрашивай больше, Хизарр Зул. Верни мне душу, - потребовал Конан, стараясь, чтобы его голос не дрогнул на последнем слове. - И я скажу тебе, где найти амулет.

Вновь овладев собой, хотя по-прежнему бледный, Хизарр покачал головой:

- Так не пойдет, Конан. Прежде чем освободить тебя, я должен увидеть Глаз.

- А как ты узнаешь, что это настоящий Глаз?

- Узнаю. Как узнал бы и хан Замбулы, но он никогда не получит такой возможности.

Киммериец подумал об Испаране, одолевающей тысячемильный путь до Замбулы.

- Никогда? - Он переместился так, чтобы оказаться между своей душой и ее... хранителем.

- Никогда.

Улыбаясь, Хизарр двинулся к своему длинному высокому столу. Там, побормотав какое-то время что-то невнятное, он взял резную шкатулку из красновато-коричневого дерева. Из нее он достал, показывая каждый предмет Конану, рубин, два желтых камня, перечеркнутых черными полосками, и немного золотой пыли - компоненты Глаза Эр лика. Все эти

предметы он бросил в чашу, выглядевшую сработанной из цельного куска янтаря величиной побольше кулака киммерийца. А затем налил туда масла из большого заткнутого пробкой кувшина и высек искру. Загоревшееся масло вспыхнуло голубоватым огнем с желтыми языками пламени.

- Когда масло сгорит и пламя погаснет, сделанная мной безделушка превратится просто в большую каплю желтого металла, инкрустированную тремя самоцветами. Настоящими самоцветами, прошу заметить. Я сделал копию, чтобы поместить ее здесь и сбить с толку воров. Уж кому, как не тебе, знать, мой паренек с севера, что опытные воры умеют отличить драгоценные камни от стекляшек!

Конан кивнул и сунул руку за пазуху туники.

- Этот шлаком не станет.

Темные глаза колдуна ярко вспыхнули и, казалось, выпучились чуть больше.

- Да, да, он не станет. Ты и в самом деле выполнил задание, мой верный слуга! Принеси мне вон то зеркало, и скоро ты снова станешь цельным. Человек без души - грустное зрелище.

Конан ничего не сказал. Ему не требовалось выражать свое согласие. Он подошел к статуе и взял зеркало из когтистых рук черного нефрита. С большой осторожностью он отнес его к колдуну, стоявшему по другую сторону стола. Там Хизарр колдовал над перегонными кубами и ретортами, порошками и жидкостями, распоряжался статуэтками, странными инструментами и очень горючим маслом с видом человека, способного захватить власть над миром. Он не сводил глаз с амулета, висевшего на простом ремешке на шее у Конана. Он будет для Хизарра Зула средством подчинить себе первого из правителей и стать повелителем Замбулы. И это лишь начало...

Конан с большой осторожностью положил зеркало на стол перед кудесником. И посмотрел через стол на мага угрюмо и угрожающе. Хизарр Зул, улыбаясь, взял свиток. На обоих концах тот был перевязан шнурком, так что образовать обычную трубку.

- У тебя, как мне теперь известно, возникли некоторые осложнения с аренджунскими властями. У меня есть знакомства в тех кругах, например в магистрате. В этом пергаменте заключается твое избавление от всех твоих неприятностей, Конан из Киммерии.

Он высоко поднял его, придерживая в равновесии на ладони, прижимая сверху большим пальцем так, чтобы когда Конан наклонился через стол взять его, то заглянул бы в конец трубы. Конан сделал глубокий вдох.

И маг тоже. Хизарр Зул быстро нагнулся голову и приложился вытянутыми губами к концу трубы. И дунул.

Конан мгновенно понял, что таилось в трубке: смерть из далекого Кхитая. И он не потрудился крикнуть "пес!" при виде такого приема Хизарра. Убедившись, что его невольный слуга вернул Глаз Эрлика, вероломный волшебник решил побыстрее убить того, кто с самого начала выглядел слишком опасным и чересчур много знал. Он с силой дунул в трубку...

А Конан дунул что есть мочи с другого конца, как раз когда смертельный порошок начал вылетать с его стороны. Потом он повернулся и побежал из всех сил, не задерживаясь и не оглядываясь посмотреть, как облако Желтой Смерти черного лотоса окутало лицо Хизарра Зула. Конан выскочил из комнаты через ту же дверь, через которую сбежала Испарана, и точно так же, как она, задвинул за собой засов...

Конан со свистом втянул в себя воздух в огромном вдохе - и усмехнулся. Он выдул все

смертельное облако порошка обратно на колдуна, применив против Хизарра, как и говорил его брат, оружие колдуна... И киммериец не ощущал никаких болезненных последствий. Вовремя он столь отчаянно дунул.

Он увидел, что вошел в помещение, где творились какие-то темные чудеса и занимались страшными делами: на разных столах лежали трупы тех охранников, которых они с Аджиндаром убили в этом замке колдовства и смерти, - и ни один из них не разложился! В этом помещении находились их одежда и оружие и стоял противный химический запах.

"Новая затея этого чудовища", - подумал Конан, но в остальном проигнорировал эти мрачные трупы. Он схватил чей-то меч, со свистом рассек им воздух, попробовал другой. И зло усмехнулся единственному охраннику у дверей зеленой комнаты. Бездумное существо механически обнажило меч, и в особняке Хизарра Зула снова зазвенела сталь. Меньше чем через минуту охранник истекал кровью от двух ран, вторая из которых была смертельной.

- Если все пойдет хорошо, то твоя душа скоро будет освобождена и сможет отправиться - куда там ни отправляются души умерших, - утешил его Конан и плотно прижал ко рту и носу сложенную вдвое полоску бархата. А затем пинком распахнул дверь в зеленую комнату.

Хизарр Зул лежал посреди залы. Прошло намного больше двух минут с тех пор, как Конан оставил его окутанным облаком Зеленовато-Желтой Смерти. Теперь порошок лежал на лице и одежде кудесника, словно золотая пыльца.

Колдун не двигался, и, хотя глаза его были закрыты, как у потерявшего сознание, он был мертв.

"Вот и весь толк от коварных хитостей колдуна, - подумал киммериец, и вот тебе и планы завоевания мира. И какой же замечательный я герой. Ведь теперь выходит, что я успокоил и демона из зловещего ущелья!"

Час спустя, спалив дотла череп колдуна, набитый землей, Конан покинул дом Хизарра Зула. С собой он унес огромный выюк, два меча и несколько кинжалов. И вдобавок надел превосходный плащ. Во выюке лежало много ценной добычи. А также завернутое во много слоев отличного бархата маленько зеркало.

Забрал Конан и Глаз Эрлика. С его помощью он привлечет внимание какого-нибудь правителя. Позади него плясало, поднимаясь все выше, пламя, охватившее особняк Хизарра Зула.